

СМЕНА

14
1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Матросская лента

Ты видишь, товарищ, как буквы горят,
На ленте матросской сверкает —
«Аврора».

..Семнадцатый год. Закипел Петроград.
Эсминцы идут из Кронштадта.

И скоро
Солдаты, рабочие, Балтика вся
Нагрянут на Зимний, ломая преграды...
Коль спросят, где Красный наш флот
родился,

Скажи: это было у стен Петрограда!

Ты знаешь, товарищ, как шли впереди:
Открыта тельняшка, на взводе граната,
На ленте «Аврора», и песня в груди,
И наше балтийское: «Мы из Кронштадта!»

Мы здесь воевали, крепили свой флот,
Здесь каждый фарватер
Был нами протравлен.

И, зная, какой предстоит нам поход,
Учили победам нас Ленин и Сталин.

Ты помнишь, товарищ, как огненный шквал
Фашистов настиг — не уйти, не упрятаться.
Матросские ленточки ветер взвивал,
Матросские блокпады балтийцы.
Когда прорывали блокаду веков.
Балтийская слава достойна веков —
Повсюду с тобой «Аврора» до мирных гудков,
От залпов «Авроры» до мирных гудков.
Нам день открывающих над Ленинградом.

Николай ФЛЕРОВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июль. № 14. 1952 год.

Год
издания
29-й

Парад Ленинградского нахимовского училища у дредноута «Аврора».
Фото Я. Калаша

ШЕФ ФЛОТА

27 июля советский народ и его Вооружённые Силы отмечают День Военно-Морского Флота, который является также праздником и Ленинско-Сталинского комсомола — шефа флота.

Военно-Морской Флот, являясь составной частью Вооружённых Сил Советского государства, призван защищать мирный созидательный труд своего народа, защищать интересы Советской страны на морях и океанах.

Вся история борьбы русского народа за свою национальную независимость тесно связана с военным флотом.

Русский народ имеет богатейшую военно-морскую историю борьбы за выход к морю, за интересы русского государства, за величайшие географические открытия во всех частях мира. Эта борьба русского народа-морехода, начавшаяся с походов славян в Византию и новгородцев на Новую Землю, породила плеяду выдающихся флотоводцев, талантливых изобретателей и строителей кораблей, мужественных учёных-исследователей. Выдающиеся флотоводцы Пётр Первый, Спиридов, Ушаков, Сенявин, Алазарев, Нахимов, Корнилов, Бутаков, Макаров являлись новаторами в военно-морском искусстве, намного опередившими в приёмах морского боя флоты других государств.

Эта тактика наших флотоводцев была пронизана боевым наступательным духом Ушакова и Суворова: врагов не считают — их бьют.

В русском флоте впервые были созданы новые классы кораблей и новое морское оружие, перенятые в дальнейшем иностранными флотами. Подводные лодки и торпедные катера, подводные и подводные минные заградители, тральщики, эскадренные миноносцы, броненосные крейсера, броненосцы и линейные корабли, ледоколы, торпеды и мины были спроектированы и построены талантливыми русскими людьми — Николаевым, Поповым, Титовым, Крыловым, Навоиным, Шмидлером, Якоби, Александровым и другими.

Русские землепроходцы и мореплаватели смело шли по суше и по морю, преодолевая величайшие трудности в поисках новых земель и неведомых морей; Москвитин, Дежнев, Поярков, Хабаров, Беринг, Стадухин, Атласов и многие другие открыли и освоили тихоокеанское побережье Азии и Западное побережье Северной Америки.

В дальнейшем были плавания Головинна, Алазарев, Копебу, Баллиастуэна, открывших материк Антарктиды Литке, Невельского, Путятина, Миклухо-Маклая и многих других, обогативших науку географическими открытиями и океанографическими исследованиями.

Блестящей страницей в истории нашего флота является активное участие моряков в революционном движении России. Восстание на броненосце «Потёмкин» было первым таким революционным выступлением.

В Октябрьском вооружённом восстании моряки Балтийского флота были в первых рядах борцов за победу советской власти. Революционные моряки крейсера «Аврора» громом своих пушек возвестила начало новой эры — эры Великой Октябрьской социалистической революции.

В годы гражданской войны под руководством Ленина и Сталина история нашего флота пополнилась блестящими операциями — такими, как известный «Ледовый поход» в 1918 году, как операция по взятию форта «Красная горка» в июне 1919 года, проводившая при личном руководстве товарища Сталина.

После окончания гражданской войны партией и правительством поставлена задача — наряду с всемерным укреплением армии в кратчайший срок восстановить флот, сделать его боеспособным. А это означало прежде всего дать флоту надёжные кадры.

Выполняя волю большевистской партии, комсомол в феврале — марте 1922 года направил на Балтийский и Черноморский флоты первые две тысячи лучших своих сыновей. Триста наиболее подготовленных комсомольцев были посланы в военно-морские училища. Осенью этого же года во флот пришли ещё три

Старший лейтенант И. Шаденков проводит занятия.

Фото Н. Верничуна

В походе.

Фото Я. Халипа

тысячи комсомольцев. С коммунистами во главе, стойко перенося трудности, комсомольцы-морские с невиданным энтузиазмом восстанавливали корабли.

В октябре 1922 года 5-й Всероссийский съезд РКСМ принял шестую яд Военно-Морским Флотом.

В обращении к комсомольцам, молодёжи и морякам говорилось: «Учитывая ту колоссальную роль, которую играет Красный военный флот в деле обороны поступают к Советской республике, и считая необходимым взять на себя основную работу в деле возрождения боевой мощи морских сил Советской России, 5-й Всероссийский съезд РКСМ постановляет — принять шестую яд над Красным военным флотом Республики».

Это обращение съезда нашло горячий отклик среди комсомольцев и всей советской молодёжи. Не было возможности удовлетворить всех желающих служить во флоте. Проводы комсомольцев во флот превращались в демонстрации преданности нашей партии.

Шестую яд флотом не ограничилось только посылкой комсомольцев во флот. Комсомольские организации создавали на заводах, в учебных заведениях кружки военно-морского дела, в которых молодёжь получала первые знания о флоте.

Восстановление и модернизация старых кораблей флота к 1927 году были завершены и тем самым выполено решение большевистской партии. Дружба комсомола с флотом крепла с каждым годом.

Великая Отечественная война явилась большим испытанием для нашей страны и её Вооружённых Сил. Моряки Военно-Морского Флота, воспитанные партией Ленина — Сталина на лучших боевых и революционных традициях, действуя на кораблях различных классов с новейшими вооружением и техникой, совместно с Советской Армией успешно громили врага до полной над ним победы.

Товарищ Сталин в своём приказе от 22 июля 1945 года в связи с Днём Военно-Морского Флота Союза ССР дал следующую оценку действий Военно-Морского Флота в Великой Отечественной войне:

«На Балтийском, Чёрном и Восточном морях, на Волге, Дунае и Днепре советские моряки за четыре года войны внесли новые страницы в историю русской морской славы. Флот до конца выполнял свой долг перед Советской Родиной».

Дружба комсомола с военными моряками особенно проявилась в годы Великой Отечественной войны. С первых дней войны

комсомольцы являлись передовым отрядом флота, помогали коммунистам цементировать ряды военных моряков, личным примером указывая, их на самоотверженную борьбу за свободу и независимость любимой Родины.

Комсомольцы Федорчук и Громов, готовясь к десантной операции в Новороссийске, дали клятву товарищу Сталину. Они писали: «Идя в бой, мы вместе с комсомольскими братьями храним Ваш портрет, товарищ Сталин. За Родину мы идём в бой. Клянёмся, что в схватке с врагом имя комсомольцев мы не запутаем. Комсомольцы выполняли свою клятву и за геройское поведение в бою были награждены боевыми орденами.

Волнующим документом является протокол открытого комсомольского собрания эскадренной бафетры под Севастополем 31 декабря 1941 года. Собрание длилось 30 минут, на повестке дня был один вопрос: отстоять зинеманную высоту.

«Постановили: 1) Не сдадим занимаемой высоты, прерядим путь фашистов к Севастополю.

2) Комсомольцы в трудный момент боя обязаны вселять уверенность у бойцов в победу. Для комсомольца нет неразрешимых задач. Победа или смерть — закон для каждого комсомольца на фронте.

Председатель собрания Кармазин, секретарь Скридю».

Это один из тысячи примеров героического поведения комсомольцев-моряков.

Комсомольцы талы организовали сбор средств на постройку боевой техники для армии и флота. На собранные средства было построено 150 боевых кораблей, среди них: «Ленинский комсомолец», «Новосибирский комсомолец», «Юный тямбовец», «Шенгенский комсомолец», «Алтайский комсомолец», «Челябинский комсомолец», «Юный чкаловец», «Иртышский комсомолец», «Московский ремесленник» и другие.

На действующие флоты и флотилии приезжали делегации молодёжи, шли эшелоны с подарками, присылалась письма.

Эта неразрывная связь комсомола с флотом и эскадренная поддержка вдохновляли моряков на боевые подвиги.

После победоносного окончания Великой Отечественной войны товарищ Сталин сказал: «Советский народ хочет видеть свой флот ещё более сильным и могучим». Это указание товарища Сталина, одобренного непротивоположностью наших границ, военные моряки, комсомола — шеф Военно-Морского Флота — со всем советским народом под руководством большевистской партии должны выполнить с честью.

ПЕВАНОВ

В. ЧАЧИН

Рисунок П. Баранова

ПЕСНЯ О ТРЕХ ЭСМИНЦАХ

Рассказ

Матрос Александр Шурупов любил море. Его бескрайние, необъятные просторы, казалось, и душу человеческую делали широкой, просторной, а могучие волны словно вызвали матроса померяться с ними силой. В свободные от занятий часы Александр долго смотрел на море, потом брал кисть, склонился над картиной, которую он рисовал уже много времени, и с головой уходил в свою работу.

Друзья Александр Шурупов с одним земляком, тоже Александром, матросом Прониным. Оба они саратовцы, оба из одного села. Их так и звали: «два Саша два».

Бывало, собираются друзья в увольнение, либо на них посмотреть: пока один другому брюки гладит, другой за двоих ботинок чистит. В катер садятся обычно с гитарой. Выйдут на берег, помочат, дойдут вместе до Исторического бульвара, здесь, у четвёртого Нахимовского бастиона, садут около бронзовых, заросших ржавкой старинных пушек, отдохнут, перегалянутся.

— А ну-ка, Саша, дай-ка любящему!
И величаво плавить над бастионом песня

о трёх балтийских эсминцах, о том, как честно они дрались с неравным врагом в суровый двенадцатый год:

Их было три:

Один, второй и третий.

И шли они в эскадрер боем...

Звучно, сильно поёт Саша Шурупов. Из-под пушистых ресниц его глядят вдали задумчивые глаза. Казалось, матрос весь ушёл в далёкие воспоминания и видит где-то, далеко-далеко, в брызгах седых волн, как, рассекая по волнам чёрный дым, бьются с английской эскадрой три гордых советских эсминца.

Матрос Пронин смотрит на друга и тихонько перебирает струны, изо всех сил старается не сбиваться, подлаживает под песню. Пронин знает, что стоит ему чуть-чуть сбиться, как друг немедленно замолчит, нахмурится и вовсе перестанет. Такой уж у него характер. Только и скажет:

— Тёбе бы на патефоне играть...

А если песня идёт хорошо, если в лад вторит ей гитара, то и не заметит друзья, как вокруг у бастиона соберутся притихшие слушатели: матросы, голоногие севастопольские мальчишки, прохожие.

Кончит Шурупов песню, и сразу его просит ещё что-нибудь спеть. Пронин в таких случаях смущается, гитару подмышку: пойдём, мол, Саша, что мы, яристы, что ли? А Шурупов не уходит, и до лица его видно, что ему очень нравится вниманье слушателей.

Обратно на корабль Шурупов обычно не торопится. Идёт не спеша вдоль берега, остановился, на море полюбуется, с девушками раскалается, повернётся к другу:

— Сыграй, Саша, что-нибудь величественное: на меня вдохновение нашло.
А Пронин обозначено на часы смотрит:

— Опоздаем...
— Успеем... ещё немного... — просит Шурупов. — Ну, кто нам чего скажет, если придём минутой к минуте.

Но друг не согласен. Повернётся — и скорым шагом к катеру. Вдохнёт Шурупов, рукой махнёт и заспешит за ним следом.

Пока ждут друзья катер, Шурупов наклонится к уху друга, шепчет:

— Ну что ты всё боишься?
Онаты!

— Нет, ты мне скажи не скучно тебе там аккуратам быть?

Нахмурился Пронин, бескомысленно до бровей нахмурив, на скулах желваки играют. Так и будет стоять, сердитый, молчаливый, с придурочными глазами. И не поймешь: то ли он от солнца шурится, то ли от мыслей свои.

Одними мичманом Орлов проводил занятия по электротехнике. Оба друга сидели рядом. Пронин старательно записывал в блокнот объяснения мичмана, а Шурупов, скучая, разглядывая носки своих ботинок. Пронин тихонько толкал друга, глазами указывая на свои записки, но тот недовольно хмурился, пожимая плечами: мол, это уже во все давно известно, что же тут записывать?

— Ты что, уже всю электротехнику знаешь?

Шурупов покосился на приятеля, промолчал.

На практических занятиях мичман вызвал из строя матроса Шурупова, скомандовал:

— Заменить предохранители!

Шурупов бросился выполнять приказание. Торопылая стрелка секундомера в руках мичмана неуловимо отсчитывала секунды. Вот уже три минуты прошло, а Шурупов всё возился с предохранителями, путаясь в разъемах. Веревка матроса обилась на затылок, на лбу проступили капельки пота. Лицо озабоченное, растерянное.

Пронину даже стало жалко друга. Но сейчас ничем ему не поможет.

— В нормативы не уложился, товарищ Шурупов, — подольщил мичман. — В бою это вам даром не пройдет.

Шурупов подумал, что его сейчас будут ругать, стыдить, но мичман не спеша ходил вдоль строя и рассказывал, как когда-то, очень давно, при Нахимове, во времена парусного флота, ходили наши бригады в захватных плаваньях и тем удивляли иностранных моряков точностью, быстротой постановки сложного парусного оснащения.

И так было всегда в истории русского флота. — многозначительно закончил мичман.

Шурупов переминался с ноги на ногу, досаждал морщась. Уж лучше бы мичман орудовал его, чем слышать такие слова.

Перед спуском флага Шурупов сидел на баке и рисовал. Как всегда, позади художника стоял матрос, молча следил за работой. Это была необычная картина. На полотне вырисовывались контуры кораблей, стреляли орудия, сквозил дым, виднелось на флажках военно-морские советские и английские флаги. «Незабываемый 1919 год» — так назвал матрос Шурупов свою картину.

Пронин смотрел на друга и не узнавал его. Куда довался растерянный, даже неупит, который испытывал совсем недавно матрос, когда меня предохранили! Сейчас лицо товарища было спокойное, сосредоточенное и как будто радостное.

— Ещё недовольна дед, и картина будет закончена, — сказал ему Шурупов.

Вечером, после спуска флага, матроса Пронина отозвал в сторону секретарь комсомольской организации мичман Орлов:

— Вы давно с Шуруповым дружите?

— С детства, мы из одного села.

— Шаляка у вас дружба, — задумчиво проговорил мичман. — Не помогали бы ему стать хорошим матросом. Шурупов — человек способный. Ему, видно, хорошо, воевать товарищеского слова не хватает, а ты порой стесняешься сказать ему по-строже, когда он неправ. Вот и портит человека.

Пронин растерялся:

— Види, товарищ мичман, ведь я же ему не командир! Чего же я ему выговаривать буду?

Мичман нахмурился:

— Не командир, но зато товарищ. А товарищеское слово бывает иногда полезнее, чем командирское.

— Что же я должен делать? — удивился Александр.

Мичман задумался. Он смотрел куда-то

вдаль, на берег, и, казалось, совсем забывал, о чем шла речь. Потом повернулся к Шурупову в сторону бака; где недавно висел Шурупов свою картину:

— Знаете, неглубоко он чувствует, то, что рисует. Впрочем, я ведь не художник, — торопыло поправился мичман. — Думается, что хорошо можно нарисовать только то, что сам любишь, что знаешь и всем сердцем понимаешь.

Пронин ничего не сказал. Так и растерялся один, не закончив разговора.

В кубрике Александр Пронин внимательно рассматривал картину. Как будто всё очень эффектно. Не понятно только, на что мичман намекал?

На полотне была запечатлена беспокойная седая Балтика. Густой чёрный дым валит из всех труб. Огненные вспышки освещают бронзовые башни эсминцев. Идёт настоящий морской бой, чего же ещё? Правда, что-то в картине было не так: уже строго бросалась в глаза военно-морские флаги. Как будто, не будь их, и можно спутать где и какие корабли ведут бой. Пронин нестрожился. В самом деле, если бы флагов не было, то и не угадать, какой исход боя: кто побеждает, а кто бежит. Пронин повернулся, торопыло вышел из кубрика.

Мичмана он застал в каюте, где обычно собирается комсомольское бюро. Тот сидел, склонившись над столом, внимательно рассматривал какую-то открытку. Александр осторожно высказал мичману свои сомнения. Орлов оживился, обрадовался.

— Вот и я об этом же думаю, — мучительно жёл об мичман. — Смотри, вот на открытке репродукция с картины Айвазовского «Синюсский бой». Флагов тут мало, зато, я всё понятно: где русские суда, где турецкие. Видно, художник знал и албына тему.

По движению кораблей, по стремительности атак, даже по тому, как стреляет корабль, можно было понять, что за его бортами находятся смелые, сильные люди,

которые не жаждут жизни во имя чести русского флота.

— Уже перед отбоем Александр Пронин тихонько говорил своему другу:

— Знаешь, как ветераны нашего корабля описывают бой с армяками? Там, в истории корабля, я читал, что враг подкрадывался кхищо, а драсти трусливо, всё больше коварством порыва влять, как бы изза угла. Вот ты так и парисуй, сумеи изобрести на полотне. Я не художник, тебе виднее, как это сделать. Флаги-то легче всего нарисовать...

Александр Шурупов смотрел на друга, и глаза у него были внимательные, изучающие.

Перед восходом солнца в кубрик спустился послышный будить Шурупова на вахту. Послышый был очень удивлён: Саша лежал с открытыми глазами и, казалось, вовсе не заснул.

Свежий ветерок трепал ленточки бескозырки, шалоюво играл воротничком, казалось, даже забирался под темяшнику, и от этого Шурупов чувствовал себя очень бодро. Солнечные зайчики уже заиграли по волнам, перегонки побеждали к берегу. Далеко заросель Севастополя. Шурупов смотрел на берег, вспоминал четвёртый Нахимовский бастион. Наверное, сейчас солнечные лучи уже играют на стенах бронзовых пушек, аскают могилы славных нахимовских комедоров.

Шурупов видел, как из алжа подымались мичман, не спеша прошёлся вдоль борта, оставался.

— Меня просят, — поморщился Шурупов. — Не надеется на меня, что ли?

— Памятник погибшим кораблям видите? — тихо спросил мичман.

Шурупов направил зрение. Далеко-далеко из воды вставал белый обелиск.

— Так точно, выжи!

— А знаете, а честь каких кораблей его поставили?

Шурупов замолчал.

— Нет, не знаю...

МИНЕР

С КАТЕРА

«СК-065»...

— Так вот, знаете: тем, что признаю Нахимова бывал затопленным, чтобы враг не прошёл.

Давно уже было светло. Уже вдоль бортов прошёл горнист, озабоченно осматривая трубу, а мичман всё рассказывала Саше о тех даблких временах, об осаде Севастополя.

Вскоре после этого случая Александр Шурупов уехал домой в очередной отпуск. И пока он отдыхал, на корабле произошло много нового.

В соревновании советских команд зрела первое место, артиллеристам и артиллеристкам за отличные стрельбы была объявлена благодарность от командира. И потому все командиры и элекрики ходили важные и гордые донельзя.

В благодарность ко многому обязывала, и теперь все в группе артиллеристков мичмана Николая Орлова особенно щеголяла чёткостью исполнения команд. Случалось и ещё одно событие: матроса Александра Пронина назначили командиром отделения.

Шурупов, вернувшись из отпуска, особенно орадовался последней новости. Всё-таки корабль, если младший командир — твой лучший друг! Поменьше строгостей будет.

Встретились они в кубрике, радостные, довольные. Шурупов восхищённо разглядывала новенькую золотую полоску на погонах друга, поздравляла с повышением, торжественно доставала из чемодана посылку от рыцаря Пронина.

— Это твою мать просила тебе передать. — Случилось так, что в этот же день вечером матрос Шурупов опоздал в строй. Пронин немедленно доложил об этом мичману Орлову.

Наказание сами, своей властью, — решил мичман.

Пронин замаялся, что-то сбивчиво рассказала про давнюю дружбу, про посылку. Мичман напустился, строго перебил:

— А как бы адмирала Павла Степановича Нахимов в таком случае поступил? — Думая, наказал бы, — тихо проговорил Пронин.

Перед уходом мичман задержал Пронина:

— Прочти статью, скажите Шурупову, что скоро в городе открывается выставка флотовских художников. Пусть подумает.

Перед отъём Пронин выстроила отделение и перед всем строем наложилась выказывая на матроса Шурупова. Тот стоял, лиловато моргая глазами, на лице его было удивление, растерянность.

Уже в кубрике Пронин хотел было отпустить друга аблаком, но матрос отвернулся, сделала вид, что ничего не замечает.

— Это ты уж зря, — выдохнула Пронин. В этот вечер они больше не разговаривали.

«В воскресенье матрос Шурупов ушёл на берег один, не дожидаясь, как это бывало раньше, своего друга. С бортов корабля Пронин видел уходящий катер с матросом, видел, как корма надвигуемо, неизбежно, подпирая рукой подбородок, сидела Саша.

«Ну и пусть один гуляет!» — сердито подумал Пронин.

Он до ностеримого блока начистила блеху, достаёт с полки книгу из городской библиотеки, долго смотрит на гитару: взять или не надо? И всё-таки не удержалась, сняла с гвоздя гитару, так и вышла, с ней и с книжками, на палубу, поджидая очередной катер.

В городе Пронин обменяла книгу, вышла на улицу. Кажется, делать больше нечего. Попадались знакомые матросы, удивлённо спрашивали:

— Почему же один?

— Где Саша номер два?

Пронин пошла на пляж, медленно шла вдоль берега. Почему-то само собой тянула его в сторону Исторического бульвара. Александр рассердился на себя, остановился и повернул к морю. Здесь Пронин подстала газету, уселась на песок, равнодушно смотрела прямо в берега ныряя в прозрачную воду неутомимые севастьяновские мальчишки. За-

метла одного отчаянного. Он обычно любил слушать на бастине песни Шурупова. Мальчуган, прыгая на одном месте, натягивал штанишки, крича приятелью: — Айда на четвёртый бастин, наверно, опять там матрос поёт!

Этого уже Пронин выдержать не мог, поднаёлся, подхватила гитару и, не раздумывая, скорым шагом двинулся вверх, в сторону Исторического бульвара. На душе почему-то было очень хорошо, даже весело.

Две и четвёртый бастин. Ещё из-за густо замета. Пронин бегом бескомарно друга. Он сидел, обжав колени, и задумчиво смотрел в ту сторону, куда нацелились жералами старинные бронзовые пушки. Пронин тихонько встал сзади, обхватил гитару, тронул струны.

Их было три:

Один, второй и третий.

И шёл они в кильватер без огней...

Матрос вздрогнул, ещё ниже пригнулся к косякам, и Пронин слышал, как друг тихонько продолжал:

Линь волном вылет
И свистит суровый ветер...

А потом они сидели рядом, и палма над молчаливым бастинном песней, о термических трёх баляйских эсмэнцах. И казалось Пронину, что никогда ещё его друг не пел так хорошо. Да и сам Пронин, кажется, впервые аккомпанировал без единой ошибки.

На бастине темнело. Другая сидела молча. Говорить ни о чём не хотелось. Всё, кажется, было сказано самой песней. Шурупов поглаживал бронзовую пушку, думая о чём-то своём, сокровенном.

Саша, а как вот эти пушки сюда втащились — вдруг озабоченно повернулся Шурупов к другу. — Ведь тогда ни подёмных кранов, ни тракторов не было?

Пронин молчал, собирался с мыслями, хотелось ответить как-то очень хорошо, значительно. Он оминился.

Этот же тахисовские матросы слезали на своих ялках у Нахимова среди матросов друзей было много, вот они особенно старались выполнить его приказание. Хоть и строгий был адмирал, но любил его подчинённые. Понимали, что если не слышишь ничего не получится.

— Знаю, сам об этом мичман рассказывал. Эх, если бы тогда там корабли были, как сейчас у нас, не видать бы англичанам и французам Севастополя! Ведь сейчас на судне всё делает электричество!

— Конечно, если б ещё матросы эту технику хорошо знали, например, быстро с предохранителями разбирались, — в тон добавил Пронин.

Шурупов замолчала, подумала и вдруг весь расхохотался в голос.

— Ну и хитрый же ты, Саша! Помолчала. Пронин вдруг вспомнил, что скоро будет выставка флотовских художников.

Эх, Саша, какову картину представишь?

Шурупов задумался, проговорил медленно, уверенно:

— Хотите такую написать, чтобы в ней чувствовался нахимовский дух, чтобы и наш сегодняшний день был отображён, в общем, преемственность традиций русского флота. Так и назвать. «Крутым традиция!» Да, кстати, пора идти, — сказала Шурупов, взглянула на часы, — а то опоздаю.

Пронин удивлённо взглянула на друга, потом понимающе улыбнулся и пошёл за ним следом.

«Едва друзья спустились в кубрик, Шурупов ещё раз увидел своего товарища: он начал передаваться в рубу. Пронин спросил:

— Ты куда? Ведь сегодня выходной!»

— Но Шурупов только озабоченно нахмурился:

— У тебя секундомер есть? Пойду в башню, потренируюсь.

Черноморский флот.

Спросите любого моряка, воевавшего на Черноморском флоте, про катер «СК-065», всякий знает его как действительно историю.

— Ну, как же! Это тот, что в первый день войны...

Спросите про комсомольца-минера Григория Куропятникова...

— Старшина второй статьи... спас свой катер...

На флотах и сейчас, в минуты отдыха, где-нибудь на яте бывающий боинам, рассказывая матросам про войну, не умолчит и о катере, добитом...

— А прославиться в то время было совсем не легко. В те годы героизм был явлением повседневным. На каждом корабле каждый матрос и офицер совершал чудеса. А катер этот... Гвардейский был катер-сторожевой...

Боевая история катера «СК-065» началась 22 июня 1941 года, в 7 часов 50 минут утра.

Моряки открыли огонь по врагу, пытавшему форсировать Дунай. Это был первый бой, в него было введено три моряка катера сражались с воздушным противником. С боями экипаж прошёл более тридцати тысяч миль, сбил три фашистских самолёта и шесть подбил, двенадцать раз ходил в набеговые операции и обстреливал вражеское побережье, отгоняло сто восемнадцать транспортов. За эти подвиги катер получил звание гвардейского корабля.

Сторожевой катер — маленькое военное судно, оно охраняет большие транспортные корабли с людьми, вооружением, боеприпасами; на транспорт не должна упасть ни одна бомба с вражеского самолёта, не должна его коснуться ни одна пулемётная очередь. Сторожевой катер принимает все удары на себя.

— Сильный ветер гнал высокою волну, и сторожевой катер «СК-065», шедший во главе конвоя, зарывался в воду.

Совсем недалеко была земля. Там, в горак, пали бой, оттуда доносились глухие залпы оружейных батарей. Враг рвался к побережью, к морю. Но фашисты не могли здесь пройти, ибо в обороне были советские бойцы, моряки.

Транспорт, охраняемый катером, и должен был доставить войскам, защищающим побережье, подкрепление и боеприпасы. Ребе был опасен.

В любую минуту из морских глубин мог появиться перекоп подводной лодки; враг мог показаться и с воздуха; могли высоко, оторуть у самого берега и фашистский торпедный катер... Значит, нужно было следить за каждым квадратом огромного неба, за каждым квадратом моря.

И вот, когда порт назначения был близок, когда матросы распрямляли натруженные спины, когда напряжение долгого пути уже начало сменяться чувством

спокойствия, раздавал громкий голос сигнальщика Потапова:

— Самолёты противника!
Так начался бой. Это было 25 марта 1942 года.

Свыше двадцати вражеских самолётов одновременно устремились на транспорт. Но они не прорывались к судну.

Тогда фашисты швели ещё тридцать самолётов, то и дело заходящих в пики. Встреченные огнём кораблей конвой, они сворачивали в сторону и сбрасывали бомбы в воду. Видя, что атаки на транспорт не удаются, фашистское командование бросало все силы на катера.

Вокруг кораблей зашумело море. Свистели осколки.

На палубе «СК-065» пулемётчик упал. Старшина 2-й статьи комсомолец Григорий Куропятников тотчас заменил его. И в первое же мгновение, только нажав гашетку, Григорий увидел, как его пулемётная трасса полосуна по вражескому сигнальщику. Пролетев в небе дымную дугу, самолёт исчез в волнах. Комсомолец был стацлав. Одну за другой выпускали очереди наперерез самолётам противника.

Бой не утихал, разгорался. Казалось, будет конца атакам. Уже немели руки. Губы пересыхали. На место раненых товарищей становились те, кто мог держать оружие. На ходу моряки исправляли повреждения.

В самый разгар боя Григорий Куропятников заметил, что на корму побежал комсомолец-сигнальщик.

Оказалось, на палубу катера упал корабельный флаг, сбитый вражеским осколком. Не было ещё случая в истории советского Военно-Морского Флота, чтобы военный корабль опустил флаг, чтобы хоть на минуту враг мог подумать, что советские моряки признали себя побеждёнными. И вот Потапов снова поднял на гребне корабельную святыню — флотское знамя.

С визгом и воем падают бомбы, пронзительно свистят осколки. Но Куропятникова не оторвать от пулемёта.

Вдруг клубы дыма закрыли от него цель.

«Что это? — подумал Григорий. — Пожар!»
Он бросился туда, где лежали покрытые брезентом дымовые шапки, а за ними глубинные бомбы. Если огонь доберётся до бомб, концы их корабля и людей. Нужно не было сбросить дымовые шапки в воду.

Развешивая узел, скреплявший дымовые шапки, Куропятников почувствовала сильный удар по левой руке и потеря сознания. Сколько времени она была в запятой? Наверное, несколько секунд. Когда очулась, увидел из перебитой левой руки била кровь...

...А пожар продолжался.
Комсомолец обрад последние силы и одной рукой начал раскручивать узел, другой — доставали транспорт в пункт назначения.

Он опустился на палубу. Не забывая о страшной опасности, он зубами распустил узел и ногой толкнул в воду горящие шапки.

Пришёл Григорий в себя уже в госпитале. Там он узнал, что корабль конвой и в том числе катер «СК-065», который он спас, отбил вражеские атаки и благополучно доставил транспорт в пункт назначения.

...Мне довелось увидеть старшину 2-й статьи Григория Куропятникова, когда он уже получал Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Мне особо примечательного в лице Куропятникова не было. В газах поблскивали весёлые искорки, на губах то и дело возникала жизнерадостная улыбка.

И мне не показалось удивительным, что этот только недавно после тяжёлого ранения вышедший из госпиталя юноша, так много переживший, может улыбаться, шутить.

Впрочем, это было вполне понятно: он комсомолец, советский военный моряк!

Защитники Севастополя.

Севастополь освобождён.

Рисунки П. Баранова из серии «Героический Севастополь».

ПОДВИГ СЕВАСТОПОЛЯ

Севастополь! Это имя крепко связано с традициями русского Военно-Морского Флота, с именами славных адмиралов Ушакова, Сивина, Лазарева, Корнилова и Нахимова.

В годы Великой Отечественной войны фашисты рвались и Севастополь, но черноморцы стали на защиту родного города. В бою с захватчиками советские моряки показали себя неуязвимой силой.

Двести пятьдесят дней защищались с беспрерывным мужеством герои Севастополя, в одном только июне 1942 года они удержали напор 300 тысяч солдат, свыше 400 танков и до 900 самолётов. Они выполнили свою задачу — приковать на Севастопольском участке фронта как можно больше немецко-фашистских войск и как можно больше уничтожить их силы и технику противника.

Железная стойкость Севастополя, говорилось в сообщении Советского Информбюро, являлась одной из важнейших причин, сорвавших предсметное «весеннее наступление» немцев.

Весной 1944 года Советская Армия в трёхдневном штурме освободила Севастополь. Черноморский флот возвратился в родной порт.

...Сейчас с Малахова кургана хорошо видна панорама нового, восстановленного Севастополя, города-героя.

На подъёме флага.

А. ПОНЕВСКИЙ

ЮНОСТЬ КОРАБЛЯ

Есть в жизни советского военного моряка минуты, исполненные особой торжественности. Каждое утро в точию назначенное время наверх вызываются горнисты, посылаются на флаги флага и гюйс сигнальщики, вахтенный офицер подает команду: «Стать к борту!».

Прекращаются работы и занятия на верхней палубе и на выдворках. Все, кто находится в этот момент здесь, становится к бортам, лицом внутрь корабля. В наступившей тишине радуются знакомые слова: «На флаг и гюйс!».

Стрелка часов приближается к цифре «8». Бьют ошквы: четыре двойных удара. Вахтенный офицер командует: «Флаг и гюйс подняты!».

Заморают рады моряков. Их головы повернуты туда, где медленно по флагам поднимаются вверх военно-морской флага. Трещит на ветру белое полотнище с синей полосой, ярко освещена утренняя солнцем эмблема великого социалистического государства — красная пятиконечная звезда, сери и молот. Горнисты играют сигналы «Подъем флага», командиры вахтенных постов свистят в дудки. Торжественно в этот миг на верхней палубе, на стеньгах, пряхах и причалах. Вооружен матросы, старши, офицеры обращены к родному флагу.

..В это тихое звонкое утро на борту линейного корабля «Севастополь» среди моряков, востроившихся и отделивших честь воинствующему советскому знамени, можно встретить представителей нескольких поколений воинов флота. Двадцать семь лет присутствует при подъеме флага родного лювера офицер Фёдор Семёнович Нестеров, начальник службы родным матросом, трюмным машинистом. Недалеко от него стоят в строю ветераны «Севастополя» — главный боцман Анатолий Иванович Жуков, мичман Пантелей Алексеевич Коваль и Егор Ильяч Ильин. Они прошли здесь замечательную военно-морскую школу, выросли в боевой комсомольской семье, стали членами старшей в Черноморском флоте корабельной партийной организации. Они обучали десяти опытных мастеров военно-морского дела. Три года был бесценным советником комсомольской организации своего же артиллерийского подразделения корабля Егор Ильяч Ильин.

Многие черноморцы с благодарностью вспоминают мичмана Ковалья, главного боцмана Жукова и многих других наставников и учителей.

Распространялся с люверской семьей комсомолец, артиллерийский электрик Фёдор Кустов, воспитанник мичмана Пантелея Алексеевича Ковалья. На его боевой пост пришёл комсомолец Владимир Егоров. Как служил Кустов? Чем прославился он этот пост? Какими качествами должен обладать Владимир Егоров, чтобы ничем не заполнить чести своего предшественника?

По-отечески душевно встречает Пантелей Алексеевич нового артиллерию. Он идёт с ним по кораблю, показывает механизмы, приборы, орудия, говорит о героических делах его доблестного экипажа. Говорит с волнением, как свидетель и участник этих славных дел, вспоминает боевые знамена, героические подвиги матросов, старши, офицеров.

— А вот боевой пост, где служил артиллерист Кустов. Это теперь ваш пост,— говорит Пантелей Алексеевич матросу Егорову.— Как служил комсомолец Фёдор Кустов?— Продолжал мичман.— Было это в войну. Корабль шёл на боевое задание. А тут в одном из механизмов, которым управлял Кустов, произошла неисправность, и такелаж, что мешал совершить стрельбу, Фёдор хорошо, до тонкостей, знал своё дело, был отлично натренирован, и, хотя неисправный механизм был под электрическим током, он, невзирая на опасность, быстро устранил повреждение. С обожжённым лицом Кустов был отправлен в лазарет. Но вскоре он вернулся на боевой пост и говорит: «Не мог остаться в лазарете, когда сыграли боевую тревогу». За ратные подвиги Кустов был награждён медалью «За отвагу».

Мичман рассказывает о своём подчинённом Кустове с такой теплотой, что и Егоров думает: «Таких постарайся быть и я».

Прошли годы, и теперь мичман говорит о Егорове, как о достойном преемнике Ковалья. Сейчас комсомолец Владимир Егоров стал отличником боевой и политической подготовки, получил звание классного специалиста. Мичман он обязан и комсомольской организации линейного корабля, воспитавшей его активным общественником, страстным пропагандистом книги, хорошим и отзывчивым товарищем.

Вместе с Егоровым служат в одном артиллерийском подразделении Борис Голово. Владимир Егоров позволяет товарищу также стать отличником службы, помогает победить вину. Всякий раз, когда на политических занятиях Голово отвечал сбивчиво, неуверенно, Егоров выговаривал за товарища, искренне переживал за него. Решили поговорить.

— Мало ты читаешь, Борис,— сказал он как-то Голово.

Тут попытается отшутиться.

— Постой, постой, это дело не шутное,— ответил Егоров.— Ты же проси меня помочь, хочешь стать отличником.

— Ну а что же, схему я изучил, спасибо тебе.

— А это ещё не всё,— убеждал товарища Егоров.— Плохо ты себе представляешь, что значит быть отличником. Книг не читаешь, за газетами не следишь. Куда это годится? Лени у тебя ещё много, и у тебя и у Колю Пестера.

И Егоров не покидал своих друзей, он выступил на очередном комсомольском собрании и резко их попрекал. Так он понимает дружбу: она должна быть глубоко привязанной, дайной от либерального восприятия грехов товарища. Помогать, но и критиковать, если друг этого заслужил. Этому качеству его научил комсомол, партийная организация корабля, командиры.

Егоров любит читать. Заполнит книгу и рассказывает о ней в кружине артиллерию. Да так увлекательно рассказывает, что и другим захочется прочесть.

— У Владимира Егорова и Николая Яковлева какой-то особый дар антиггерировать матросов и юнцов,— рассказывает секретарь комсомольской организации подразделения Алексей Полтанов.— Они сами много читают и умело используют книгу в пропагандистской работе. Благодаря им многие наши матросы стали частыми посетителями корабельной библиотеки.

В знания комсомольской организации, которой руководит Алексей Голово, книга играет большую роль, служит хорошим помощником в воспитании матросов на примерах героев Великой Отечественной войны. Прочтут комсомолы проказы и подвиги о Пастухове и Матюкове и на своих соборных собраниях обсуждают важную тему дня: служить так, как служили Родион Гастелло, Матросов, Иван Голубец, Филипп Рубахов, как герои дота № 11. Прочтут книгу А. Первенцева «Честь смолоду», и тогда раздаётся на тему очередного комсомольского собрания: «Береги честь смолоду».

Всё, что делает комсомольская организация лювера, посвящено одной заботе: помочь комсомольцам стать классными специалистами. Этому задаче, самой главной, самой важной, посвящают заседания бюро, открытые комсомольские собрания, над её решением работают агитаторы, беседники, революционеры боевых листов—всех актив. Выматывает председатели и секретари комсомольской организации лювера «Севастополя» Михаил Бовкунов и секретари подразделения.

На открытые комсомольские собрания артиллерию и дальномаршеiros пришли многие матросы. Классики училища от них получают ценные советы. Командир говорил о том, что надо больше изучать уставы. Терпаченко критиковал практику формального приращения отличников к малоопытным матросам. Многие дают такие советы. Лучшее стали работать комсомольцы, имея перед собой чёткую и ясную цель. Лучшие организовали «ни то, варшавскую помощь. Благодаря солдату Яковлеву, Чернышковому стал отличником Василий Зянгичев, усилил помощь комсомолец Гурьевич матросу Дудель. Чаше стали вместе тренироваться на боевом посту Силин и Пензеня.

Командир корабля написал родителям Зянгичева письмо, сообщил им об успехах их сына. Взаимолюбивый ответ прислала на корабль мать Алексея Зянгичева. «Очень приятно знать матери—писательница—её сын честно служит коммунистической Родине. Верю, что Василий и вырастает примерным воином, крепким, здоровым и акавалённым за, щипком мирного труда и счастья советских людей..»

Черноморский флот.

4. В. Сталин на крейсере «Молотов» (19 августа 1947 года).

Два поколения моряков.

Фото Я. Халипа

АДМИРАЛ НАХИМОВ

5 июля 1862 года советский народ отметил 150-летие со дня рождения выдающегося русского флотоводца-патриота адмирала Павла Степановича Нахимова.

П. С. Нахимов родился 5 июля 1802 года в селе Волыцк, ныне Андрушевского района, Смоленской области. Детство его прошло в то время, когда вся Россия поднималась против полководца Беста о героических подвигах русских солдат, партизан в Отечественной войне 1812 года передавались на уста в уста. Их с упоением слушал юный Нахимов. Под впечатлением рассказов о героических подвигах русских воинов у будущего моряка складывалась верная картина об отечестве, о первом служившем на его благо, о народной силе.

Образование Нахимов получил в Морском кадетском корпусе — лучшим учебным заведением того времени. Шестнадцати лет он окончил училище в звании гардемарина.

Большое значение для формирования будущего флотоводца имело кругосветное плавание 1822—1825 годов. Нахимов совершил его на фрегате «Крейсер», которым командовал капитан 2-го ранга М. П. Лазарев, будущий адмирал и знаменитый преобразователь Черноморского флота, лучший воспитатель и продолжатель идей великого русского флотоводца Ф. Ф. Ушакова.

В годы учебы и первых плаваний сложились взгляды Нахимова на русскую действительность, на порядок, царившие в крепостнической самодержавной России. Именно в это время будущий адмирал сдружился с будущими декабристами Михаилом Бестужевым и Дмитрием Завалишиным. Дружба с этими людьми оказалась на формирование убеждений Нахимова, верного приверженца революции, оказавшись ко всему устаревшему, мешавшему двигаться вперед, горю любимого свой народ и верного в его судьбе.

Наставником Нахимова был М. П. Лазарев. Это был один из тех немногих военных командиров, которые открыли перед ним широкую перспективу, увидевшие все живое у «маленьких чинов» — солдат и матросов. М. П. Лазарев строил все обучение и воспитание подчиненных на глубоком осознании отношения к выполнению порученного дела, на четком знании матросами своих обязанностей по службе, и сознательном их исполнении. Эту систему делового воспитания Нахимов.

Под командованием М. П. Лазарева Нахимов служил на корабле «Азов», где блестяще выдержал первое боевое испытание. «Азов», будущий флагманский корабль эскадры, совершил большой поход из Балтики на Средиземное море, куда русский флот был послан для совместных действий с английским и французскими флотами против турецко-египетских захватчиков, угрожающих независимости Греции. Русские моряки с достоинством и честью выдержали возложенную на них задачу. В Наваринском бою 20 октября 1827 года русская эскадра разгромила турецко-египетский флот. Английские и французские корабли, получившие секретные инструкции из Лондона и Парижа, в этом бою активного участия не принимали. Английское и французское правительства, воюя против Турции, желали ослабить в своем союзника, русский флот, чтобы затем безраздельно господствовать на Средиземном море. Победа русской эскадры над коалицией противника, но и военные замыслы союзников.

В Наваринском бою особенно отличился флагманский корабль «Азов». Он смело пошел на максимально возможное сближение с противником и метким огнем своей артиллерии уничтожил пять вражеских кораблей, три из них — линейные корабли — Нахимов взял отагу и возложил мастерство в сражении Нахимов был провозглашен в капитан-лейтенанта. Его труды украсили боевой орденом.

Вскоре после Наваринского боя начинается новая, яркая страница в биографии отважного моряка — адмирала Нахимова. За отагу и возложенное мастерство в сражении Нахимов был провозглашен в капитан-лейтенанта. Его труды украсили боевой орденом.

Корабль «Марина», на котором находился Нахимов, руководил Синопским боем.

Репродуцировано по рисунку В. Тамби.

адем — в Балтийском. В 1834 году Лазарев добивается перевода своего ученика на Черноморский флот. С помощью Нахимова, Корнилова, Истомина и других доблестных русских офицеров Лазарев преобразует Черноморский флот, превращает его в надежного защитника южных границ России.

На Черноморском флоте П. С. Нахимов командует флотским экипажем, а потом линейным кораблем «Силистрия». Построенный при самом деятельном участии Нахимова, этот корабль по несению службы, выучке экипажа, по дисциплине и организованности матросов был одним из лучших на флоте. Командиром «Силистрия» гордился М. П. Лазарев, видя в нем своего талантливого ученика и свою опору в строительстве и укреплении большого, сильного флота. «Чист душой и море любить», «Служил здесь образцом для всех командиров кораблей» — так отзывался о Нахимове М. П. Лазарев.

25 сентября 1845 года П. С. Нахимов был произведен в контр-адмиралы и назначен командиром 1-й бригады 4-й флотской дивизии. Эта дивизия охраняла кавказское побережье. В то время за рубежом Кавказа был неспокойно. Англо-французские колонизаторы сами и через своих турецких холопов поддерживали связь с бандитами Шамши, стремясь с его помощью поосорить народы Кавказа с русским народом и таким путем завладеть этой территорией. Корабли Нахимова во многом помогли Кавказской армии в борьбе с феодально-националистическим движением Шамши. Русские моряки перевозили войска, снабжали армью продовольствием, оружием, боеприпасами, вывозили больных и раненых, боролись с охраной побережья.

В годы службы в 4-й флотской дивизии и в последующее время окончательно сложились взгляды П. С. Нахимова на систему воспитания подчиненных. Он был одним из первых русских великих военачальников, кто восстал против утверждения в самодержавной России преобратительного отношения к солдатам и матросам, как к крепостным. Нельзя забывать, говорил он, «что у мужика есть ум, душа и сердце так же, как у всякого другого». Не противопоставлять себя подчиненным и руководить ими, равняв их в своем уме, возмать,

сметку и находчивость, поощрять смеельность и отагу при защите Отечества — вот что требовалось, по мнению Нахимова, для того, чтобы русские вожди были непобедимыми.

В полном блеске своего военного таланта и полководческого мастерства Павел Степанович Нахимов выступил перед соотечественниками во время Крымской войны и обороны Севастополя. К началу этой войны он имел уже за плечами 38 лет службы на флоте, из которых 17 лет были проведены в морских походах и сражениях.

В этой войне на стороне Турции против России выступали Англия и Франция. Англо-турецкие захватчики стремились оторвать от России Крым и Кавказ. С этой целью разработали план удара по России с моря и с суши. Русское командование разгадало этот замысел врагов и еще до начала войны укрепило свои позиции на Кавказе. Тула была переброшена в Россию. Эту операцию блестяще выполнил Нахимов, который, уже будучи вице-адмиралом, возглавлял эскадру Черноморского флота.

В ноябре 1853 года он разрабатывает и осуществляет смелый план блокады и полного разгрома турецкой эскадры в Синопской бухте. Нахимов решил нанести внезапный удар по турецкому флоту, стоявшему вдалеке от английских и французских кораблей. 30 ноября эскадра Нахимова вошла в Синопскую бухту, имея детально разработанный план сражения. Придавая исключительное значение инициативе командиров в бою, свой приказ о наступлении на неприятеля Нахимов закончил такими ставшими знаменитыми словами: «В заключение я высказываю свою мысль, что все предварительные наставления при переменчивых обстоятельствах могут затруднить командира, знающего свое дело, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг».

И воспитанники П. С. Нахимова с достоинством исполнили свой долг. Нахимов умело руководил сражением. Огнем своего орудия он вывел из строя флагман врага, лишив эскадру управления. Командующий турецкой эскадрой Осман-паша был захвачен в плен. Сопротивление турок ослабело с каждым часом бою и вскоре прекратилось совсем. Все корабли ту-

Кадр из фильма «Адмирал Нахимов».

ренской эскадры и береговые батареи Синопа были уничтожены.

Синопский бой показал высокие морально-боевые качества русских моряков и большое преимущество русского военно-морского искусства над иностранным. Победа при Синопе создала англо-турецкий план захвата Кавказа.

Но война продолжалась. Её масштабы в 1854 году значительно расширились. Являясь тогда защитником Турции, Австрии и Франции против флота и воюя против России, жёсткая отторгнул Черноморское побережье.

Русский царь Николай I назначил главнокомандующим армией и флотом князя Меншикова — человека, плохо знавшего военное и морское дело.

Царь и главнокомандующий недооценили возможностей противника, организовали своевременную оборонительную укрепилений. В сентябре 1854 года англо-французский флот высадил в Крыму огромный десант в 63 тысячи человек. Вскоре после высадки десанта Мельников, пытаясь, выдержать врага, протеснул сражение на реке Альме, затем ушёл войска в глубь полуострова. Путь врагу на Севастополь был открыт.

Оборону этой стратегической русской крепости возглавляли адмиралы Корнилов и Нахимов. Они всё сделали, чтобы Севастополь мог длительно и упорно обороняться, выдержать любой натиск противника. 17 октября при первом штурме врагами Севастополя был смер-

тельно ранен Корнилов, и всё главное руководство дальнейшей обороной города взял на себя Нахимов. В этот день враги пытались взять город атакой не только с суши, но и с моря. Но благодаря своевременно принятым Корниловым и Нахимовым мерам все атаки интервентов захлебнулись. Враг вынужден был отказаться от своей первоначальной тактики и перейти к длительной осаде города.

П. С. Нахимов продолжил работу по укреплению города. Он всё одновременно с непрерывными и всё нарастающими ударами по врагу. Он умело маневрировал огневыми средствами, находившимися в распоряжении защитников города. Это затрудняло захватчиков подготовку нового штурма Севастополя. Нахимов начал строительство блиндажей для защитников города. Это спасло жизнь тысячам воинов. Было построено несколько оборонительных линий и этим положено начало глубокой инженерно-артиллерийской обороне. Впереди линии обороны рылись окопы, позволявшие вести прицельный огонь по противнику. Нахимов и Истомин создали крутую оборону наиболее важных спорных пунктов. Эти и другие меры, предпринятые Нахимовым, превратили город в непробиваемую для врагов крепость.

Укрепление обороны Нахимов сумел сочетать с активными боевыми действиями. Кроме меткого и непрерывного артиллерийского обстрела позиций неприятеля орудиями охранявшихся кораблей, защитники Севастополя систематически предпринимали вылазки в став врага. Мелкие отряды, составленные из са-

мых храбрых матросов и солдат, разрушали сооружения, создаваемые интервентами, портили орудия, захватывали пленных и оружие. Сильные вылазки севастопольцев держали в вечном страхе противника.

Активные действия защитников Севастополя имели решающее значение. Их выход оценил Ф. Энгельс. В своих высказываниях о Крымской войне он писал: «До тех пор, пока вылазки не будут возможны, всякая вылазка — штурм неогата. Осаждающие, которые не в силах захватить осаждаемых в стенах их собственной крепости, ещё менее в силах отнять эту крепость в рукопашном бою».

После октября 1854 года восемь месяцев защитники не смели предпринять нового штурма города. Повторили они его лишь 18 июня 1855 года. Но безуспешно. Вся предшествующая история не знала стойкости воинов, равной защитникам Севастополя. Русские матросы и солдаты огнём и штыковыми ударами в течение дня отбили 9 штурмов французов и несколько штурмов английских интервентов.

Боевыми действиями героев-севастопольцев руководил П. С. Нахимов. Он всегда был в самой гуще боя, являясь примером воодушевления защитников крепости. В одном из таких сражений Павел Степанович Нахимов, находясь среди защитников Малахова кургана, пал смертью храбрых. Это было 10 июля 1855 года. Неприятельская пуля попала адмиралу в голову. 23 июля Нахимов, не приходя в сознание, скончался. Его похоронили в одном склепе с М. П. Лазаревым и героями Севастополя В. А. Корниловым и И. В. Истоминим.

Смерть любимого командира была тяжёлой утратой для мужественных защитников города. Но она не поколебала их решимость отстаивать своё правое дело до победного конца. Севастополь продолжался до 8 сентября 1855 года. И не внах тех, кто стоял у стев города, что Севастополь пришлось оставить. Это было поражение не варада, завышающего родной Севастополь, — это было поражение отживавшего свой век царского самодержавия, не сумевшего обеспечить героев матросов, солдат и их замечательных командиров, всем несомненным для разгрома врага. Но слава защитников Севастополя 1855 года живёт в сердцах советских людей.

Советский народ высоко ценит огромные заслуги перед Родиной выдающегося флотоводца-патриота Павла Степановича Нахимова. Ярким выражением всенародного признания его заслуг является учреждение ордена и медали Нахимова, которые ныне украшают грудь многих отважных советских моряков, отличившихся в боях против немецких фашистов и японских милитаристов в Великую Отечественную войну.

Имя прославленного флотоводца адмирала Павла Степановича Нахимова дорого сердцу каждого советского человека. Герой Наварина, Синопа и Севастополя был и остаётся живым примером верного служения Родине, своему народу.

Юрий ТРИФОНОВ

В походе

Катера идут сторожевые.
Перед ними лёг простор морской.
Помохла,
как платком,
Россия
Дымной стружкой сопки Ключевской.
Третьи сутки мы в гудящем шторме.
И по скальям напалуб,
воля,
В белой пене,
словно в легкой форме,
Ходит океанская волна.
Третьи сутки с силой восьмидесяти
Ветер ударяет на бегу.
Чертит флаг над рубкою штурвальной
Огнем
рыду-лугу.
Вот и скрылась сторона родная,
И встает ирерусская земля.

Вактенным
во мгле
напоминая
Смизут чужого корабля.
Дальний берег хмурый и покатый.
Флаг над ним свернулся полосатый.
Видим близко линию прибоа.
В дальномори мы не зря:
Там война
костляво рукою
Злобно
выбирает
якори.
У штурвалов стали мы,
у радий, —
Пусть пуря, пусть дико воег норд, —
Корабля войны здесь не пробраться
В наш советский
неприслужный порт.

г. Владивосток.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ
НАХИМОВСКОЕ
ВОЕННО-МОРСКОЕ
УЧИЛИЩЕ

В. ВИКТОРОВ

НАСЛЕДНИКИ

Фото Я. Халипа

В просторном, сверкающем корабельной чистотой вестибюле Ленинградского нахимовского училища у знаменитого училища, рядом со скульптурой адмирала Нахимова, стоит часовой — юноша в военно-морской форме.

«Сыновья советских людей пришли в Нахимовское училище, чтобы продолжить дело своих отцов. Среди них десятилетний мальчик, сын капитана 1-го ранга, павшего в морском бою, Джимал Зайдулин. В этом году Зайдулин и его товарищи заканчивают полный курс учебы.

Когда беседуешь теперь с этим восемнадцатилетним юношей, когда знакомишься с его жизнью, с его интересами, планами и намерениями, особенно ярко видишь глубину и мудрость правительственного решения, которое в разгар войны собрало сюда, под крышу большого гостеприимного дома на берегу Невы, сыновей моряков и сделало их наследниками всей русской морской славы.

Джимал Зайдулин показал нам свой сочиненный о романе Эренбурга «Буря». Переписывая его осточертевшую, интересную работу, мы наткнулись на коротенькое письмо Эренбурга, адресованное Джималу и его товарищу Борису Глебову. Молодые моряки обратились к писателю с просьбой объяснить, почему он решил убить главного героя своего романа Сергея Влахова. Эренбург писал:

«Дорогие друзья, Сергей Влахова убил не я — его убил немец. Ведь вы сами знаете, как много замечательных людей погибло на фронте, как дорого досталась нам победа».

Да, каждый нахимовец хорошо знает, как много замечательных людей погибло в боях за Родину, за мир, за счастье своего народа. Будущие морские офицеры воспитываются на героических традициях Советской Армии и Военно-Морского Флота, на глубоким уважении к славному прошлому нашего флота. Не случайно был передан нахимовцам легендарный корабль, участвовавший в Цусимском бою, возмещавший в октябре 1917 года запятым своим орудий победу Великой Октябрьской социалистической революции, — крейсер «Аврора».

Насегда запомнили мальчишки моряки осенний день 1948 года, когда, узнав, что «Аврора» находится в доке на ремонте, они поротно отправлялись туда, чтобы увидеть её своими глазами. С тех пор каждый день жизни нахимовцев был насыщенный волнующими вестями: — Землемерчалки уже прорываюот на Неве фарватер для «Авроры!»

— На крейсере будут жить в матросских кубриках нахимовцы старшей, 1-й роты!

— Командование училища пригласит в гости три поколения старых авроровцев — участников Цусимского боя, Октябрьской революции

Секретарь комсомольской организации 1-й роты нахимовцев Анатолий Тарасюк у знамени училища.

Офицер Т. И. Лизатов с нахимовцами у исторического орудия, на которого влёлся огонь по Зимнему дворцу.

Изо дня в день офицеры-воспитатели по-отечески будут помогать. Офицер Р. Зудь-Корнев беседует с нахимовцами своей роты.

Смулой и словно ещё больше потерявший от бессонных ночей, быстрый и лёгкий в движениях, Владимир Алексеевич Корнилов березкою подсаживая Нахимова в гичку и, отпуская грёбца, сам грёбёт впадь берега. Только сейчас, к вечеру, два адмирала остались в одиночестве и теперь вместе идут на корабль «Владимир», к капитану третьего ранга Бутakovу, замыслившему одиночную вылазку в море — сподручить союзников».

Сутулов говорил, что моряку Чичагову можно простить березинскую неудачу, ибо не он виноват, если государю угодно было доверить ему действия, требующие осведомлённости не в море, а в пехотинском искусстве, говорит Владимир Алексеевич, управяя вёслами, — но нам с вами никто не простит, если мы уподобимся Чичагову!

А князь Меншикову бог простит! — едко вставляет Нахимов.

— Ему, но не нам! — продолжает свою мысль Владимир Алексеевич. Он избегает толковать о светлейшем, то ли из нежелания осуждать главнокомандующего, то ли из привычки не полагаться на него в делах. — О другом хочу нам сказать. Думал я, что может выручить Севастополь в этой войне, при той малости сил, которой пока располагаем. Главное звено в оттяжке времени и в постепенном освобождении врага. А знаете, выдержим первые атаки — отойдём и последующий ход и горько знать, что вражеские пушки за версту достают, а наши — спасибо военному ведомству...

Он поморщился, и узкое строгое его лицо приняло на минуту выражение знакомой Нахимову вяжливой отчуждённости.

— Не говоря я вам, Павел Степанович, — тут же оживился он, что разрешаю открыть мастерскую оружейников! Пусть лучше мастера сосредоточатся тутулера. Думаю, надо во всем нашим людям дать больше свободы для военной выдумки. Охотников у утром к себе приглашаю, среди них лейтенанта Обезьянинова с тендера «Струн»: он хорошо переболел бьет. Вот из этой среды, из охотников и людей, лучше всех знающих окрестные горы, надо создать группу передовых лазутчиков, чтобы они обследовали и сообщили нам, где и в каком направлении находятся горы, вьд горы открыты, а на месте французур я бы давно какой-нибудь обход предпринял. Всё это немагаловажно для народной войны, какой стратег наша Севастопольская кампания. О действиях же кораблей особо хочу вам предложить... Только, Павел Степанович, — оставил он вёсла, — возьмите вы под своё начальство и всю сторону... и меня, стало быть.

Что вы, Владимир Алексеевич! — немного смутился Нахимов. — По чини и положению вам ли уступать мне?! Нет, я вас о том же намерен просить!

— Командование должно быть в одних руках! — сурово отчеканил Корнилов. — Вольно светлейшему делать его между нами. А кроме того ваши знания и способности всегда вы отличали от наших, иб в глазах Павла Степановича, хоти с виду очень вы милки... А я, ежели знаете, штабной человек и вам подчиняться от всего сердца хотел бы.

Он снова встал за вёсла и, опасаясь, как бы Нахимов не почтита сегодняшней их разговор об этом уже окончательно и не настаивал бы на своём отказе, промовал предпретительно: — Ну, другой раз, другой раз, Павел Степанович... И, задумчиво глядя в сторону, где далеко за створами бухты чуть светился в мглестом вечернем сумерке огни союзнической эскадры, сказал, усмехнувшись:

— О чём-то нам хвратые воители совещаються?. У себя в Париже Свнт-Арно действовала решительнее, когда устраивал двоярпный перерывот. А Рагаин хоти и аинилась руки под Ваторо, но с его раз, другой раз, Павел Степанович... И так, небось, один перед другим хорохоритался да иже ждуть, чтобы турки баталкою иначи. Говорят, ведь ером Рагаином установленны по светскому этикету правила войны. Вы, например, Павел Степанович, погрешли против традиции Нельсона, не предурпредили, турок о часе, когда яинтесь в Синоп... Дуэлянт в одежде разбойников, иривание в эитет, — вот кто эти воители. И будь у турок флот, они бы с вами бы до себя и против нас, теперь же атакитамы надо идти самим! А давно ведь сюда им хочется, ещё и при Наполеоне хотелось!

Корнилов развеселился, встал во весь рост и крикнул в темноту — туда, где высилась стеной чёрные борта кораблей: — Эй, на «Владимире»!

Нескокими минутами позже адмиралам сидят в маленькой

Б. ВАДЕЦКИЙ

ПЕРЕД ОСАДОЙ

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

вызвать негодование Нахимова. «Какже там случил! — скажет ему адмирал. — Морях — математик, вы же, кажется, лихач».

Нахимов смотрит ему в лицо и угадывает его мысли.

— Ничего героич — люди большого расчёта, впрочем же, герои все! — говорит он.

Бутакос склоняет голову. Многие позавидуют ему сегодня, узнав о данном ему Нахимовым разрешении.

Адмиралы покидают корабль. В эту ночь вавоём они едут верхами к светлейшему князю Меншикову. Уже прошло несколько дней, как князь оставил Севастополь и переехал из своего дома на Бельбек. Шатёр Меншикова, весь закрытый коврами, высятся на зелёном холме. Казачья сотня — конной светлейшего — расположилась рядом в леске, охраняя ставку главнокомандующего. Отсюда видно старое греческое кладбище: гранитные плиты с надписями лежат вповнаку. Гористая крымская земля, испушенная солончак и исчерпанная каменистыми тропами, простирается за линией холмов.

Князь живёт здесь на положении наблюдателя и мудреца, избравшего себе уделом уединение. Рослый адылтант с энергичным обветренным лицом принимает повояды у адмиралов и, отдавая честь, говорит:

— Его светельство дремлет, но через час ввела себе будит. В слово «дремлет» он вкладывает только им трюм понятный смысл и озорно улыбается одними глазами. На армейском совете уже несколько раз докладывался о происшедших за неделю событиях, начиная с одной и той же роковой фразы: «Пока князь дремал, противник ночью вышел за...».

— Экий вольнодумец адылтант у светлейшего! — думал Нахимов, глядя на открытое, впрочем свежее лицо поручика, и спрашивает:

— Поки не подходит их России, не слышали?
— Их высочества, великие князья прибыли вчера, — непроницаемо чётко, тоном доклада отвечает адылтант.

— Князья, а пока, я спрашиваю, подкрепление?..
— Нужда придет! — дутайская рука его будет здесь, ваше превосходительство, — говорит адылтант, и отнес его означает: «Чего раньше времени беспокоиться: князь знает, когда вызвать сюда войска Горчакова... Они и там ещё нужны, у Сиастири».

Нахимов начинает разубеждаться в вольномыслии адылтанта и, скучая, переводит взгляд на Корнилова. Но Корнилов, ближе знакомый с адылтантом, друг резко вмешивается в разговор:

— Скажите, Степенко, тех, кто прибыл сюда из разночинцев, князь куда приказал зачислять: в армию или к нам, защитни Севастополя?

— Много их, — отвечает адылтант с затанчивым телом в голосе, — разночинцев... Не хотите ли пойти к ним, пока встанет командующий? Там они, за холмом, в деревенке...

И вволювно ядрут говорит Нахимову:
— Конечно, они держат путь к нам, в Севастополь, Павел Степанович. Многие из тех деревень, откуда ваши матросы. Карантинные имне отменён, но случилось так, что командующий хотел сам «доклож» из России хлебом и солью встретить, да вот же некогда ему... Третьи сутки ждуть встречи Кому неохота в Севастополь, ваше превосходительство, и если бы вы упростили князь считать меня при себе, в городе...
— Ессе не жаль вам оставить главнокомандующего? — строго осведомляется Нахимов.

1 Нахимов начальствовал над южной, Корнилов — над северной стороной Севастополя.

— Жаль! И себя жаль и светлейшего. Но себя больше! — вырывается у Степачева. Его ситальство и отсюда видно всё, ему книги и донесения суть дела заменяют, а я неучём, выше превосходительства, а по делу, а не по книгам скажу!

— Вот и скажи бы ему сами об этом! — усмехнулся Корнилов. — Сами бы и попросились в город, на бастион.

— Прислали
— Ну и что же?

— Князь говорит: «Мои адъютанты — мои уши, мои уста: одни донесения, другие в докладе, другие — с задором, с правдолюбием, — такие у тебя. Ты мне нужен для равновесия!» Светлейший всё знает, да только мало, видно, ещё знает...

— Ну что ж, Степачёв, — обращайтесь к нему Корнилов, — проводки к родственникам.

В лесу разбит бивуак, горят костры и группами сидят у костров приспешные и стражники для этих мест одежде, похуже из стальной, из охотников. У некоторых на фуражках георгиевские крестики, у поёса небольшие топоры. В белой панаме на голове, в тулукре и высоких сапогах, с патронатом у пояса полуживит на земае незнакомец и обстоятельно повествует о том, как добрался он сюда из Москвы.

— Моей шляпке, как из Москвы вышел. Сорок человек нас было двое отстаём. А лошадей на трактах, троек да обозов видно-невидимо, а полдесятка к кому-нибудь трудно. Подогорю, пожалуй, лепешку шам. Иной раз устанешь, захочешь отдохнуть денёк, но откуда-то другие на дорогу выйдут. «Куда, братцы?» — спрашивают. «В Севастополь, к Кузьмичу», — отвечает. Ну, делать нечего, поднимайтесь и идёте с ними дальше.

Никто не замечает, как Степачёв и с ним два адмирала оказываются возле рассказчика. Нахимов остро вглядывается в его лицо и спрашивает:

— Откуда вы-то?

С этими словами раскаиваются десятки людей. Все они, различив в сумраке адмиральские эполеты на плечах у пришедшего, присеиваются и с болазливой радостью строятся лачо к лачо: не от светлейшего ли, может, вспомнил о них? Но рассказчик, не отвечая на вопрос, медленно и широко кланяется адмиралу и громко говорит:

— Желавым чоронья, Павел Степанович, не признал вас сразу! Учителя я, из Смоленской губернии, с родины вашей.

Люди ещё тише, теперь уже терять страх, окружают Нахимова. В тишине слышны только голоса учителя да хруст ветвей под ногами.

— Не бойся, от ополченцев смоленских, из не с письмом, а сам, рядовым, служить отчеству...

— Помнит, стаю быть, в Смоленске о Севастополе?

— В песнях поёт, Павел Степанович!

— Неужто в песнях? А вы спойте нам, — говорит адмирал, как бы обращая ко всем.

— Бояз вашя, — соглашается учитель, — только не мастер я петь, не поверите!

— Не поверю! — подтверждает адмирал и опять, словно ожидая поддержки, смотрит на обступивших его людей.

— Право, уж не знаю, как и спеть-то! — всё более смущается учитель, отходит чуть в сторону и запевает глуховатым, сильным голосом:

Может, слышали вы, други,
Вела яркость в море есть,
Далеко на самом юге...
Там Нахимов — русская честь,
Там матрос, в пример солдату,
Служил, одет, обут,
Там и нашему брату
За усердие воздадут.
Город строится на море,
Против — вражеский союз,
На сплавниковой оспе,
И яркость ту идёт французи!

Он поёт, прислонившись к дереву, почти невидимый в темноте. Нахимов расторожно молчит. Степачёв похочет адмиралу:

— Ваше превосходительство, к его ситальству пора, не задержитесь бы!

— Спасибо за добрые вести! — говорит Нахимов учителю и, отступив на шаг, уверенно и громко бросает в темноту: — Спасибо и вам, братцы! За память, за то, что не пожалели себя, пришли к нам на помощь! Россия никогда не забудет этого!

Он поворачивается и, чувствуя на себе выжидающие и полные тревоги взгляды людей, приказывает Степачёву:

— Скажите им, что буду просить князя направить их в полк ко мне.

Беседа у князя, как обычно, коротка и неожиданна. Речь идёт о располосенных союзниках, о последних донесениях казачьих постов, о необходимости пополнить Севастопольский гарнизон, ныне состоящий из одних моряков.

— От Рудольфовой горы до Зелёной воздвигают союзники укрепления, — повторяет князь с покаянным равнодушием и искоса, не поднимая глаз, смотрит на адмиралов, чувствуя себя ещё провинившимся. Небось, думают, что он, Меньшиков, пустил сюда противника, не внял уговору, не принял боя. И глето в глубине его души растёт тупое раздражение против адмиралов: «Приходят, как обвинители!» Тоном доверительным, как бы подбёркивая свою к ним чрезмерную располосенность, он говорит: — Противник ведёт против нас правильно, по всем законам фортификации, осадю. Несколько кораблей он загрузил в Варне мягкой землёй, пересадил с них команду на другие; из Англии привёз фашины и заранее приготовился к осаде. Мы

не готовы и даже... земля не имеем. Всё шобень, глина, камень, а сами знаете, в городе долап нет, гвоздей не завезли. Можно сеговать на новотюбки наши и всё же не опускать рук, чтобы сохранить город, но не от чего зависит исход этой войны, не от сего, и не малые наши затруднения тому виной.

— Не всё от людей зависит, господи, — продолжает он. — И Кузцов, с коим я душевно знаком был, отходил от неприятеля не по причине трусости... И Москву сдавал не по отчаянию, а решившись на великое Нет, господи, не правдивый событий, перед силой, идущей на нас, не след поить на упущения и несодстатки, а должно поить, что не можем противодействовать неприятелю. Но, потеряв город, ещё не потеряем Крыма и юга России...

И тут же, как бы смягчая сказанное им, обратился к Корнилову:

— Вы, Владимир Алексеевич, сами, голубчик, распорядитесь. Вам вверена судьба города.

— Позвольте о разномыслии полке просить, ваше ситальство, — перешёл к делу Корнилов.

— Отослать его к вам? — догадался князь. — Пожалуйста! Люди эти в регулярной армии меньше, к тому же, прислусь пользы, чем в обороне города.

— Сколь разительно отличо настроение князя и этих людей! — замечает по себе Нахимов.

Адмиралы откланиваются и выходят из шатра.

— Не сочили ли вы сылку на Кузцова обидой его памяти? — шепчет Нахимов Владимиру Алексеевичу. — Не хочет ли светлейший примером поведения Кузцова сказать о своём ему подражании? Вот уж поможкой окажется это представление им себя новым, крымским Кузцовым!

Корнилов молчит. Адъютант светлейшего радостно говорит Корнилову, донесая адмиралам:

— Подкрепление прибудет утром, ваше превосходительство! Сводный полк разночинцев в полном своём составе, с учителями, приказчиками и бегальми саутами. Кого среди них нет!

— Очень хорошо! — брявлет его Нахимов. — Используйте поторопите их!

Он уже полагает о предстоящих сражениях с союзниками.

Адмиралы садятся на коней: Корнилов рывком, словно боясь коня, Нахимов неуложке, не торопясь, — лет двадцать не приходилось им ездить верхами, — и возвращаются в город. Адъютанты направляются саселом.

С моря гулаки доносится несчастные пушечные залпы.

— Не Бутков ли вступил в перестрелку с неприятельскими кораблями!

Здесь, на Беакебе, тревожнее, чем там, в осаждённом городе. Нахимов, всерь в нетерпении, неважно подгоняет коня.

МОЛОДЫЕ МОРЯКИ

Фото Г. Ворниова

Эскладный миноносец шел, разрезая форштевень речную гладь. С небольшого обрыва хорошо видны строгие обводы корпуса, мачты, выстройки, орудийные башни. Кажется, перед нами настоящей боевой корабль. А между тем это всего лишь самоходная модель эсминца, мастерски выполненная членом Московского военно-морского клуба Юрием Аксёновым.

...Когда зимой прошлого года учащиеся ремесленного училища № 71 собирались на экскурсию в военно-морской клуб, Аксёнов спросил:

— А что мы там увидим?

— Что увидим? — переспросил Космин, которого недавно избрали председателем комитета первичной организации Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту. — Увидим многое. Ты ведь говоришь, что любишь читать книги о море, о путешествиях в дальние страны, о подвигах наших моряков.

— Говори.

— Ну вот. Значит, тебе интересно побывать в военно-морском клубе...

В клубе всё напоминало о морских просторах, о кораблях, которые под флагом СССР плавают на всех океанах и морях земного шара. И юношам казалось, что они действительно ощущают солоноватый запах моря, будто оно было где-то рядом, за широкими окнами.

А с каким интересом юноши осматривали учебные классы! Сколько тут для них нового: макет корабельного мостика, сиденья маяков, мин, торпед, компасы! А сверху, вонти под самым потолком, колыхались яркие флаги расцвечивания.

— Каждый из вас, товарищи... рассказывал командир-инструктор клуба Василий Курдеев... может приобрести флотскую специальность... стать рулевым, сигнальным, мотористом, может научиться стрелять, управлять парусом и получить звание старшины шлюпки... Многие, я знаю, заинтересуются и строительством моделей кораблей.

Курдеев отворил одну из дверей, и все вошли в лабораторию морского моделизма. Здесь жужжала дисковая электроника, несколько юношей работали у столешных верстаков и токарного станка. На большом столе и стеллажах стояли модели линкора, крейсера, торпедных катеров, эсминцев, яхт. Одни были уже закончены, другие готовились сойти со ступелей.

— Неужели можно самому построить такую модель? — спросил Юрий Аксёнов, указывая на полтораметровый «корабль».

— Конечно, — ответил, оторвавшись от работы, моделист Владимир Бабушкин, электрик машиностроительного завода. — Были бы желание и настойчивость.

И комсомолец Юрий Аксёнов, вступив в члены клуба, стал строителем морских моделей. Он внимательно слушал объяснения руководителя секции морского моделизма Юрия Александровича Моралева, присматривался к своим более опытным товарищам. И вот сей-

час, после многих дней творческого труда, на воде испытывается его самоходная модель эскладного миноносца с паровой турбиной...

Моделисты не замыкаются в стенах своей лаборатории. Многие юноши вступили в секцию гребно-парусного спорта и совмещают работу по строительству моделей с греблей, плаванием.

Хорошо, привольно на водной станции военно-морского клуба! Повинуясь сильным гребцам, быстро идут шлюпки, легко скользят белокрылые яхты. Около тридцати команд тренируются ныне на водной станции. Досафовцы не только становятся хорошими гребцами, но и только учатся легко ходить под парусом. Они овладевают комплексом военно-морских яхт. Это значит, что каждый член шлюпочной команды обязан быть хорошим пловецом, должен владеть флажным семифором, то есть с помощью сигнальных флажков принимать и передавать различные допросы, должен ловко подавать бросательный конец и т. д.

Юрий Митев быстро орудует флагами, и все читает: «Счастливого плавания, товарищи!»

Обучением шлюпочных команд руководят опытные командир-инструкторы. В военно-морском клубе выросли и спортсмены, хорошо владеющие парусом. Инженер Владимир Земцов на недавних городских соревнованиях занял первое место на яхте класса «Р-2». Член гребно-парусной секции молодой

спортсмен Рыбалко хорошо ходит на яхте класса «Ери», а инженер Агриков — на яхте класса «М».

Многолюдно и оживленно в эти дни на водной станции. Но и в классах военно-морского клуба не прекращается учёба. Вот в одном из классов группа юношей изучает сигнальное дело.

Гаснет свет. Зажигаются огни на электрифицированном плакорном рейде. Четыре «скорабля» идут разными курсами. На матах установлены клотковые огни. Инструктор нажимает ключ. Все смотрят на клотки.

— Каким бортом к нам идёт катер, товарищ Борисов? — спрашивает инструктор одного из шлюпочек.

— Катер идёт левым бортом, — отвечает Борисов, лещик-модельщик автомобильного завода имени Сталина.

— Почему?

— Потому что виден красный огонь. Инженер учится различать направление движения корабля по огням, а потом тренируется в наборе сигналов из флагов. Вот сигналит Юрий Митев быстро орудует флагами, и все заслухают чётко: «Счастливого плавания, товарищи!»

Под вечер группа членов военно-морского клуба отправляется на экскурсию на учебный корабль «Смерч». Руководитель экскурсии командир-инструктор военно-морского клуба Василий Курдеев рассказывает о боевой истории «Смерча»: о том, как в дни войны корабль конвоировал наши транспорты, отомстил за вражескими подводными лодками, поддерживал с моря яны войска и как вместе с другими кораблями Северного флота участвовал в знаменитой Петсамо-Пуревской операции.

— Расскажите нам о героях-морях, — просит теперь машиностроительного завода Владимир Крючков.

Возвращается тишина. Только слышно, как за бортом корабля плещется вода и с лёба доносится весёлые юные голоса. Члены военно-морского клуба слушают командира-инструктора с большим вниманием.

Как много их, людей беспримерной храбрости, стойких, смелых патриотов Советской страны! Подвиги лётчика морской авиации дважды Героя Советского Союза Бориса Сафонова, храброго разведчика дважды Героя Советского Союза Виктора Леонова, морского пехотинца Николая Сивилова, подвиги полководцев, катерников, артиллеристов — они всегда будут памятны и будут всегда служить образцом верности Родине!

А командир-инструктор продолжал рассказ о прославленных моряках, и юноши узнавали всё новые и новые имена моряков, старшин и офицеров — героев Отечественной войны.

...Когда члены военно-морского клуба сошли с учебного корабля, смеркало. На Химкинском вокзале — в порту пяти морей — и на судах уже зажглись огни. Они были яркие, как звёзды.

Л. РОГАЧЕВСКИЙ, В. УСПЕНСКИЙ

Лето.

Фотоотряд П. Шведова

Московский дворик.

В. Д. Поленов
Государственная Третьяковская галерея.

ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ПОЛЕНОВ

К 25-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

Среди крупнейших наших живописцев второй половины XIX века многогранностью таланта выделяется Василий Дмитриевич Поленов.

В своём творчестве В. Д. Поленов охватывал широкий и разнообразный круг тем. Начав с ближайших сюжетов на заданные академические темы, он работал над картинами из быта средневековья, увлекался портретной живописью, создавал ряд великодушных жанровых картин. Наряду с этим он был одним из самых плетельных, глубоких и искренних наших пейзажистов.

Стоит лишь вспомнить многие из его картин, чтобы убедиться, как многогранно писал он натюр-морт: «Ипать или хотя бы блестяще написанный им стол с горящей лампой под зеленым абакжуром, заваленный книгами, в картине «Большая».

Поленов с большой теплотой и наблюдательностью, мастерски изображал животных. Он был одним из замечательных наших маринистов. Пробовал свои силы Поленов и в декоративной живописи, будучи чудесным декоратором. Он воспитал целую школу мастеров декоративного искусства.

В. Д. Поленов родился в 1844 году в культурной дворянской семье. Его отец был археолог и библиограф, мать занималась живописью и детской литературой.

Окончив Петровское гимназию и юридический факультет Петербургского университета, Василий Дмитриевич поступил в Высшее художественное училище при Академии художеств.

Редкое совпадение качеств умелого рисовальщика и угончейшего колориста было отмечено не только товарищами художника, но и таким строгим судьёй, каким был И. Н. Крамской, говоривший, что краски Поленова звучат, как музыка.

Велико художественное наследие Поленова. Он автор «Христа и грешница», «Варфоломеевской ночи», картин «Право господина», «Большая». Наряду с этими монументальными произведениями пленник и трогает такое его вещь, как «Бабуйкин сад», «Московский дворик», «Заросший пруд», «Ранний снег» и многие другие пейзажи.

Его картины проникнуты чувством любви к Родине, свежестью, красотой, правдой жизни, переданной «по-поленовски» реально и трогательно. В них раскрывался с необычайной силой и убедительностью прекрасная натура большого художника, который горячо любил свою Родину и умел заставить зрителя проникнуться теми же благородными чувствами.

Когда бы ни пошёл нас со своей художник: на высокие берега Оки или в тонкую гущу сада, а усластившую основанной листвою прохладу днём, — уютному с доверием и охотой идти за ним зрителю, которого он научит любить и такие заворажи речи Вори, и ласкающие, поросшие ономом омыли, и аллюрий солонем пруд, и весёлый ледоход, и пышную золотую

парчу, и мажорные краски великопеленной осени.

Хороши также и портреты, выполненные Поленовым. Вот молодой Репин, изображённый

педагога, много сил отданного делу воспитания молодёжи. Любознато и внимательно относился Поленов к своим ученикам, поддерживая с ними тёплые, дружественные связи и после их выхода из стен школы. Голякин, Врубель, Корovin, Серов, Борисов-Мусатов и многие другие видели в нём не просто любимого наставника и талантливого педагога, — они обращались к нему, как к чужому другу и старшему товарищу, который всегда в трудную минуту умел найти доброе слово, прийти на помощь.

Поленов всегда радовался успехам своих даровитых учеников, сетовал на их неудачи; в его словах слышалось чисто отеческое участие в их судьбе.

«...Меня порадовало, что Левитан взглянул вперед. Хотелось бы то же самое усказать и о моем милым Костельном...» — пишет он о Константине Коровину.

И стоит лишь просмотреть письма к нему его учеников, чтобы увидеть, какой любовью и авторитетом он пользовался.

Но немало неприятностей доставляло ему общение с официальными, правительственно-чиновными кругами. В особенности обострились эти отношения, когда после реформ Академии художеств в 1891 году Василий Дмитриевич не был введён в новый состав профессоров-руководителей, ибо поведение Поленова показало слишком либеральным, и о нём было сделано предостережение царю Александру III, как о человеке «неблагонадежном».

Этого было достаточно, чтобы, несмотря на единогласные выборы в художественных кругах, «сверху» последовало решение, по которому Поленов от этой почётной должности был отстранён.

Поленов был принципиальным, мужественным гражданином-художником. За эти качества любил его товарищи. Он пользовался большим авторитетом среди современников.

Поленов был одним из вдохновителей «передвижничества», хорошо понимавшим историческую прогрессивную роль его.

В 1891 году он писал:

«Я слишком люблю Товарищество, слишком твердо верю в его главную цель и слишком узнаваю самых товарищей как людей, явного выше стоящих волею остального строя, чтобы уходить отсюда; напротив, я остаюсь, чтобы бороться и привнести сколько можно пользы общему делу».

Принадлежа к поколению шестидесятников, Поленов был глубоко проникнут переживанием идеями революционных демократов, и эта черта сохранилась в нём до конца его дней. Подлинным демократом он на искусство смотрел, как на мощный рычаг, призванный поднимать народное самосознание, нести на роду свет знания, принимать его эстетические вкусы.

В. Н. ЯКОВЛЕВ,
народный художник РСФСР.

И. Е. Репин. Портрет В. Д. Поленова.

просто и живо. Во всей его фигуре много экспрессии и яркости. Вот портрет сказочника изворных былин Никиты Богданова, написанный в 1876 году.

Отличительной чертой творчества Поленова была способность к постоянному напряжённому труду. Повсюду капитальных работ им сделана масса отличных этюдов с натуры, рисунков карандашом, аллюстраций и авторских этюдов.

Поленов оказал большое влияние на развитие целой плеяды наших талантливейших мастеров, выросших под его руководством в стенах Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Тёпло и искренно рассказывали о нём А. Е. Архипов, Л. О. Пастернак, В. Н. Мешков и многие другие, знавшие его лично как замечательного человека и мудрого

КОНЕЦ «ЛЕТАЮЩЕЙ РЫБЫ»

Рассказ

Шхуна «Летающая рыба», выйдя из порта Дувно на Аляске, прошла Литл-Харбор, острова Кыска и Атту и теперь, спускаясь на вост-юго-вост, приближалась к небу своего плавания. Капитан Роберт Харт стоял на мостике.

— Скоро покажется вулкан Грозный, — сообщал живо чернявая, помощник Лью Дебл.

— Сам знаю. Не суйтесь!

Сильные моторы, строгие обводы корпуса, пара закрытых чехлами крупнокаберных пулеметов на полубатее — все это делало шхуну очень похожей на «большого охотника» военного времени. И если соскочить на борту надписи «Фланг фиш», внимательный глаз смог бы обнаружить под ней прежний номер... Но как спешить чешую с ещё не пойманной рыбы? Поимать же её не легко, и этот капитан был совершенно уверен. Он взглянул на гафель, где хлопал от ветра флаг японского торгового флота...

В команде не было ни одного японца. Впрочем, при случае за японца мог сойти кок — индеецский капитан, в своё время дезертировавший из армии Чан Кай-ши. На шхуне плыли также мексиканцы и шведы, уроженцы Марселя и Балтимора — наживь всех гаваней мира, выброшенная на Аляску волнами житейских бурь. Капитан Харт никогда не держал порт стояного якоря. В любом порту Штатов всегда можно набрать «отчаянных», не спрашивая, для какого дела их нанимают.

Капитан был с ними суров и беспощаден. Матросы прозвали его Харт-Акула. Он об этом знал и смеялся. Ему нравилось возбуждать в подчинённых страх и злость. Злые лучше работают. Сам он называл себя Харт-Большой Капитан, Храбрый Харт, а в сладостные минуты после обеда — Бобби Дранун. Он умел и любить драться. Нет, не боем на клубном ринге — ринге для провинциальных священников и конторских барышень! Настоящая драка. Ребром ладони по калдыку, ногой в живот. К тридцати пяти годам капитан не потерял хорошую спортивную форму. Роберт Харт родился и вырос в Сан-Франциско, в приземном переулочке, неподалёку от судостроительной верфи, в старинной и честной семье. Его дядька продал опигу, но отец специализировался на контрабанде спиртных напитков и неплохо зарабатывал в годы сухарного закона. Роберт регулярно посещал блатвскую церковь и ресторан «Флорида», а по своим политическим воззрениям склонялся то к демократии, то к республиканцам — в зависимости от того, какой обрешёткой района больше платил за голоса на выборах.

Помощник Лью Дебл, считавший себя интеллигентным человеком (его брат учился в университете), обманлся, зная привычку капитана в отсутствии убеждений. Харт имел тысячи убеждений. Он был пресекателем всего убеждений, а том, что необходимо довести тысячу штей в банк до круглой суммы — сто тысяч долларов. Около этой центральной идеи группировались другие, столь же чётко сформулированные. Капитан уважал полицию и презирал профсоюзы. Капитан терпеть не мог нервов за то, что они черные, и русских за то, что они «красные». Кроме того, как истый янки, он не считал за дело индейцев, латиноамериканцев, итальянцев, а про азиатских говорил, что они тугоухие тупишки. Харт был не чужд и романтики. Глядя в зеркало на свой хрипящий нос и тяжёлый подбородок, он с удовольствием думал о сходстве с Вудлом Лароном — героем книги Джека Лондона «Морской волк».

Рисунки Г. Физинповского

Сейчас, возмывшаяся на мостике «Летающей рыбы», массивный и невозмутимый, капитан с тем же чувством довольства собой вспоминал последний разговор с мистером Тайлером — знатным человеком, близким и к секретному отделу военно-морского министерства и к ФБР. Если рейс будет удачным, — а он будет, текущему счёту прибавится известная сумма. Капитану и раньше приходилось выполнять некоторые деликатные поручения Тайлера.

Процаясь с Хартом, мистер Тайлер сказал:

— Итак, не забывайте. В случае чего вы охотник за голдеями.

— И за котиками, сэр?

— Ну да! И только. Честный браконьер. Простая душа. Вышли из Иокогамы...

— Из Иокогамы, сэр, и направились на Хоккайдо.

— И никогда не бывали на Аляске!

— Никогда в жизни, сэр!

— Вы англичанин.

— Ешё бы! Старый тюфяк, ха-ха!

— Не острийте, Харт. Выше лям?

— Давненько Вышлобу из Ливерпуля.

— Преступно! Как с паспортом я ваших людей?

— Сам чёрт ногу сломайт! Да вы же беспощадность, до проверки не дойдёте. Я умею выпалить, но умею и уберечься. Мой «Рыба» не влипает в сети!

— Счастливого плавания, Харт! Храни вас бог!

...Посвежело. Над океаном проносилось холодное дыхание материка. Харт проверил показания приборов и взглянул вдальем в корму.

— Мы вот тут. Обвять ход до среднего! Скоро намуется полуденные банки.

— На горизонте спускается туман, — сказал помощник.

— Это нам на руку. Плохая видимость — хорошая охота. Да перестаньте вы трусеть, Дебл! Работа на сутки. Посмотрим всё, что нас интересует, и покажем корму.

— Вы плохо знаете русских, капитан! Они предусмотрительны и дальновзорки. Может быть, дождётся ночью?

— Да, и нарвёмся на рифы! Не каркайте, Дебл! С таким капитаном, как я, не пропалёте.

— Осторожность не мешает.

— Заткнитесь! На кой чёрт пошли со мной, если нервы плохие?

— Нужно семью кормить, — вздохнул помощник.

— Ах, вот как! Зарубите себе на носу: тот, кто кружится в дельтах американцев обязан быть отважным. Как это там? «В бой, в бой, трубы трубят, мчится гурьбой торад, Янки лобой — хрибрек и терой, он в драку стремился».

— И всё ясно. Люблю американскую поэзию! Ломфелдо, Киплинг...

— Киплинг — англичанин.

— Ерунда!.. Да хватит вам дрожать! Выпейте спирту — это согрывает. Ладно, идёйте и мне. Не разбавляйте водой, треска варёная!

— Тоннее стало? То-то! «Не дай отсохнуть дышам флаг, пусть в глотку льётся трог. Над нами плещет чёрный флаг во тьме чужих долог...» и как-то там дальше. Молдецит этот Бернс, хоть и дипломат!

— Бернс, а не Бернс. И он вовсе не был дипломатом.

— Не учите меня! Смотрите вперёд!

Вдалеке сквозь туман возникли очертания

гор, сперва еще заметные. Горные хребты, тускло проступающие в начинающихся сумерках, постепенно приближались к обоям бортов. Шхуна подошла к широкому проливу между островами. Обозначился возвысавшаяся, будто покатый холм.

— Грохнул! — тревожно шепнул помощник.
— Вижу, не слесай! Ну-ка, выложите его!
Конус дымился. Белый столб паров застилал всю ширину его усеченной вершины. Харт и сам ощутил невольное беспокойство. В этом гигантском молчаливом стороже «вулкан» должно действительно нечего грозное. Дым над кратером словно напоянил прищельмам, как в каменной горле величайшего великана клокочет гнев. Матросы, свободные от вахты, шли на палубу и сумрачно смотрели в неизвестность.

— Марш с палубы! — крикнул Харт. — Малый хол! Все в порядке, Дебл! Пришли точка в точку.

Предстояло выхолостить то, о чём капитан беседовал внаслух с Тайлором. Осторожно продвигаясь вдоль безаборного побережья, нужно засечь ориентиры, определить глубины, отметить скрытые бухты, пригодные для якорных стоянок, и сделать ещё кое-что по указанию Тайлора. Эти невинные сведения дадут огромными чертами на карте. Несколько таких карт смогут в дальнейшем сделаться козырьными в той крупной игре, которую ведёт не Харт и даже не Тайлор, а люди, умеющие хорошо плавать и Харту з Тайлору. «Летающая рыба» была для них лишь разменной монетой.

— Мы будем действовать тихо и тонко, как индока в перие, — сказал капитан. — Ну, а если повезёт, если встретим в этой пустыне какой-нибудь рыбачий баркас, шлюпку, бот, — тем лучше! Поступим на двоих, живых на борту нашей «Рыбы». Это называется по-русски «звезды языков». Так ведь, мой милый Дебл?

«Но берег был вовсе не так безлодок, как это казалось знитику «Летающей рыбы». Когда якорь с тихим лагом пошёл на глубину, человек в форменной шинели, добродушно расхолажившийся в расщеплённые складки, приоткрытый старинником, опустил бинокль и взял телефонную трубку:

— «Сонка?» Говорит сержант Иванов. Продолжаю дослывать. Незнестное судно стало на якорь в семи кабельтовых от Серого Камня. Нет, шлюпки не спустились. Есть продолжать наблюдение!

Другой человек, с красной повязкой на рукаве, тотчас же передал донесение своему начальнику. И начались, вакумируясь, с тем решительным и прозаическим выражением, которое приобратило его доброе лицо, когда он выполнял служебный долг, вызвал в телефону лейтенанта.

— Это опять я, — сказал он. — Готовы? Идите. Да, в явряд-т.

И мальчишко назвал явряд-т.
Харт пил кофе в каюте. Лишь расслахнулся. Харт увидел лицо помощника. Оно было белое, как бумага.

— Напоролись! — выговорил Дебл. — Русские!

Капитан, засветившись, выскочил на мостик. Якорь уже поднимали. Капитан схватил бинокль. Потом, даже не выругавшись, он оттолкнул рулевую, сам свалился штурвал и скомондал:

Средний! Полный! Самый полный!
Из колыхавшейся на волнах тени вулкана, ещё более тёмной, чем наступавшая сумерка, внезапно появился и теперь приближался к шхуне русский катер. Одного взгляда достаточно было, чтобы определить, что это не рыбачий баркас, не промысловый бот, а сторожевой корабль. И пушка на его носу была отнюдь не гаргунная пушка.

— Я говорю! — пробормотал помощник.
Харт не отвечал. Корпус «Рыбы» дрожал от напряжения, она и в самом деле казалась летящей. Ничего! Эта «рыбка» вылезет. Она глотает мидя, как червячок.

— Сигналы фальшивым семифором, капитан! Предлагают остановиться, — доложил Дебл.

— Ответить: «Не разбираю, темень».

— Сигналы ратьером, мистер Харт!

— Не отвечать!

— Он приближён ход, догоняет!

— Ерунда! Не догонит. Уйдёт!

— Он догоняет, Харт! Он догоняет, кланяясь вам своим!

Капитан обернулся, наконец, и с удивлением увидел, что русский катер эжементуно сокращает расстояние. Этого, говоря по правде, Харт не ожидал. Он вытер пот со лба. Мысли его мгновенно проделали полный круг: сто тысяч долларов в прекрасном будущем, мистер Тайлор, тылень, — и вот... Он собрал всю свою волю, чтобы остаться спокойным, — хотя бы внешне, перед помощником.

— Превосходно! — сказал он Деблу. — Они намерены праться? Мы им сейчас покажем клыки.

— Что вы хотите делать? — вскричал помощник. — У них пушка и эти проклятые шмаги, как их!.. Боб, умоляю вас, не сходите с ума!
В другое время капитан строго просёб бы такое нарушение дисциплины, но сейчас было не до этого. Помощник, покаялся, прас: шансы в драке слишком неравно. Ну, что ж, попробуем найти иной выход из неприятного положения.

— Средний!.. Малый!.. Спои. Не тряситесь вы, Дебл! Спрячьте карту, подайте ту, другую.

Шхуна останоилась, вздрагивая, и катер подошёл к ней лавало. На палубу «Летающей рыбы» поднялись лейтенант и несколько вооружённых матросов. Роберт Харт встретил их у трапа самой любезной из своих улыбок.

— Подкалат, обчен дознаи видет рыськи люди! — произнёс он, поднимая лапоть к козырьку фуражки.

— Мы также очень рады, — ответил лейтенант на приличном английском, но лапоть к козырьку не подкал. Он был ниже Харта ростом, менее широк в плечах, и во всё его скромной фигуре не было ничего необыкновенного, романтического.

«Вывернулись! — подумал капитан. — Не страшно. Просто довольно крепкие и здоровые парни, вот и всё. Неужели все они большевики?»

Обращая на себя внимание только глазом лейтенанта. Выдержат их прямой взгляд стою Харту немалого труда.

— Пройдёмте в каюту, прошу вас, — предложил капитан, переходя на английский и вежливо улыбаясь.

— Пробойм в рубку, если не возражаете, — сказал лейтенант. — Почему не отвечали на мои сигналы?

— Прощу извинить, но я не сразу разобрал их, а как только понял, немедленно останоилась. Проходилай вечер, лейтенант! Не угодно ли чуть-чуть встретиться, а?

— Я попрошу вас отвечать на вопросы. Порт приписки?

— Ливерпуль, лейтенант. Моя родина.

— Вы англичанин?

— Да. Меня зовут Давидаль Виллоуби. Но объясните: чем вызвана честь принимать вас на борту моей шхуны?

— Вы провикли в территориальные воды Советского Союза. Продолжаю спрашивать. Почему английская шхуна ходит под японским флагом?

— Что делать! Я продал её фирме «Халдате Мицуну комини» и по поручению хозяина веду на Алеуты.

— Так! А почему у вас, ливерпульца, американский агент?

— Американский... Что? О нет, это честный ливерпульский агент, и если вы бывали в моём городе, то могли убедиться... Извините, вы мой помощник. Храбрый и честный моряк.

— Вы тоже англичанин? — спросил лейтенант.

— Да, сэр! Очень приятно, сэр! Моя фамилия Де. Лесли! — сказал храбрый и честный моряк, бледнее.

— Он немного застенчив, — повторилась именно Харту. — Житель туманного Лондона, знаете ли.

— И также с американским агентом. Ну, с предвзятыми судовые документы!

— Какже! Вот наш путь: Нюктама, Хоккайдо, а теперь прямо на Алеутские острова.

— Так! Как будто всё правильно. Но по какой же причине вы, сперва взяв курс на юрост, и затем строго на юрд, внезапно повернули криво к асту?

— К сожалению, сбился с курса, сэр. Сильное течение!

— В это время суток течение здесь било вам в левый борт, то есть отклоняло не к нашим берегам, а в противоположном направлении, к осту.

— Совершенно верно. Но, именно борясь с ним, мы и углубились слишком круто к весту. Наступала темнота. Опасаясь подводных скал и мелей, и решил закончить в первой попавшейся бухте.

— Очень логично, капитан. — Вот видите! Морзя-ангела поймёт моряка! Не угодно ли чего-нибудь выпить, лейтенант? Ромы, виски или что-то?

Не отвечая, лейтенант ознакомился с показаниями приборов, сверил их с предельно точными картами, что-то латоридно подсчитал в блокноте. И снова этот острый, прямой взгляд, от которого Харту сделалось не по себе.

— Данные этой карты не сходятся с количеством фактически пройденных вами миль. Как объясните?

— Приходится краснеть, лейтенант. Неточная прокладка. Мой помощник ещё так неопытен.

— Однако из документов видно, что ваш помощник плавает уже десять лет, на чих пять — на командных должностях. Служил в американском военном флоте, мистер Лесли?

— Н-никак нет, сэр! В британском.

— Когда вы, отвернув перчатку, посмотрели на свои часы, я заметил у вас на левой руке

татуировку, буквы Ю. С. Н. Это означает «Ювэйт Стрейтс Нью», не так ли?

— Да, патентована, сэр! Даль уважения к до-объектам союзникам, которые... и Деба омонительно запутался.

— Советую вам говорить правду! — сказал лейтенант.

— Уйдите, Лесли, — сказал капитан, — вы являетесь посторонними. Я хочу рассказать господину лейтенанту правду, если господин лейтенант разрешает.

— Разрешаю!

— Буду открытосен с вами до конца, как иди с моржом, — начал Харт, оставшись наедине с лейтенантом. — Мы идём на Алеуты за котиками для компании «Каюдате Мину». Работаем на капиталистов, такого жизнь.

Но хочется ведь немного заработать и самим, дорогой лейтенант! У нас семья, дети... И мы решили поохотиться за себя. Самую малость. Соня толстая, не больше. Вот вся правда.

— Вам известны законы о нарушении государственной границы?

— Я уважко законы. Но эти острова, сэр, они столь недавно перешли в ваше подданство! Простительная ошибка. Мы привыкли считать их японскими.

— Здесь японско русские земли, запомните это, англо-японский капитан с американскими ассентами! Впрочем, безусловно преподавать вам историю... Вы будете отвечать по закону.

Роберт Харт отлично знал приёмы и обычаи американской пограничной морской стражи от Нова до Ки-Уэст. Когда заводит речь о законе, пона рассказывался. Он покладывался.

— Вы совершенно правы. Я нарушил закон — я готов уплатить штраф. Конечно, мы, бедные зверьбы, не располагаем значительными дивидендами. Назовите сумму. Сколько? Двести, триста? И не потребую расписки.

— Другими словами: вы предлагаете мне выкуп?

Лейтенант взглянул на Харта.

Капитан схватился за карман, чего делать не следовало.

— Бросьте глупости, — сказал русский. — Вы не в Штатах. Одайте оружие! Быстро!

Пальцы у него были стальные. Он отнял у Харта пистолет и спрятал в карман своей шинели.

— Это — насилье! — воскликнул капитан, теряя волю к сопротивлению.

— Вот именно.

Лейтенант открыл дверь рубки и позвал: — Товарищ Якименко!

— А тут, давайте, гражданки! — брезгливо сказал Цветков, усталый старшина. — Пошевеливайтесь! По-хорошему прошу!

Лейтенант спустился на палубу и внимательно, оставшаяся взгляда на каякотов, осмотрев собравшуюся команду «Летающей рыбы».

— Думаю, не имеет смысла вести шхуну на буксире, — нетерпиво сказал он. — Нужно двух человек, чтобы загустить моторы. И без глупостей! Ваш капитан отстранён от командования. Команду тут я, офицер советского Военно-Морского Флота! Ну?

— Я сделаю, начальник! — отозвался машинист. — Жан Ренз, марселец.

— И я, — сказал его помощник. — Кембелл, из Канады.

— Добро. Товарищ Урванцев, вы будете с ними.

— Есть!

— Не смейте! — крикнул Харт своим матросам. — Свиньи! Вы сии мои злое!

— Товарищ Цветков, уберите этого! И этого!

Харта и Деба, белого от страха, отвели на спороживой шлюпке. Их заперли в разных каютах. Харт слышал, как заревели могучие моторы катера, как в отдалении начали гудеть моторы шхуны. Он ударил кулаком в металлическую переборку и расшиб пальцы.

— Как я мог! Как я мог так влопаться!

Капитан «Летающей рыбы» бросился ничком на палубу и зарылся своим хрипящим носом под палубу, чтобы не видеть и не слышать больше ничего.

И он не увидел, что проплывавшая мимо величественная вершина вулкана Грозового тона чёрного неба окрасилась в багровые тона. В каменной орбите гиганта каюлотат гнес-

Гребцы уже утомились, а Козырев всё плывёт и плывёт.

СКВОЗЬ ШТОРМ

И. ФАЙЗУЛЛИН,
заслуженный мастер спорта

Весь день и всю ночь пароход «Волжская коммуна» шёл вверх по Волге — мимо живописных Жигулёвских гор, людских пристелей и чинак, залитых японским солнцем песчанов. На утро следующего дня пароход бросил якорь против села Мордово, широко раскинувшегося на правом берегу реки.

Отсюда должен был начаться спонтанно-тридцатиметровый пролив в честь Дня Военно-Морского Флота СССР.

Первым вышел на старт А. Козырев, за ним — В. Проскуркин, И. Файзуллин, М. Рейзен.

Старты Евгения и Людмила Второвы должны были стартовать на 5 минут позже.

Заканчивались последние приготовления. Пловцам покрывали тело специальной мазью, чтобы холодная вода не отнимала слишком много тепла, тренеры торопились дать последние напутствия. Никто из нас не готово. Главный судья подал сигнал — а вранчи, гребцы, штурманы, судьи, сопровождающие спортсмены, сели в лодки.

Под аплодисменты и крики многочисленных зрителей команды один за другим прыгнули в воду.

Пролив начался.

Соревнующиеся развинулись цепочкой.

Вскоре подул свежий встречный ветер, тучи заволокли солнце, по реке пошли крупные волны. Они били в лицо, затрудились дыхание, мешали двигаться вперёд. Скоро ветер сделался шквалистым. Плыть рядом с лодкой стало опасно — она то вывалилась на яловых гребцов, и тогда было видно её смальное дилеце, то вновь исчезала в крутых провалах, черная бортом в воду.

Гребцы обдирались лотом, изо всех сил работая вёслами, вранчи и судьи едва успевали вычерпывать из лодок воду.

Положение становилось всё более напряжённым. Шторм крепчал...

Одна за другой перевернулись лодки, сопровождающие Проскуркина, Рейзена, Евг. Второв и Козырева.

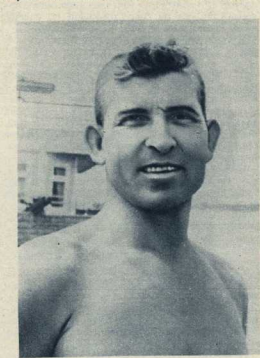
Гребцы, судьи, термосы с питанием — всё очутилось в бушующей Волге.

Врачи Буланова, Маринина, Семёнова бросились спасать медикаменты и термосы.

Несмотря на трудность плавания в шторм без сопровождения, соревнования продолжались.

Мощные гребцы и судьи торопливо садялись в рыбачьи лодки и двигались дальше, догоняя и разрываясь в волнах своих подопечных. Зывающий по радио из Куйбышева выстроивший пароход «Победа» доставил всё необходимое для продолжения пролива.

С первых же километров лидером стал заслуженный мастер спорта, знавший стаханов-

Победитель пролива Александр Козырев.

вещ Баканского судоремонтного завода имени Иван Струта Александр Козырев.

Применившись к бующей Волге, Козырев плыл прочем. Прошло четыре часа, ветер не стихал, волнение всё ещё было сильным. Козыреву захотелось есть. Он подкачал к лодке врач Буланова нашла в кружку наваристого курного бульона, который плывец выпил через длинный резиновый шланг, не соприкасаясь с ложкой.

Мидяные сумерки спустились над Волгой, ветер стал стихать, плывец становилось легче.

На лодках зажегся фонари.

40 километров трудного пути остались позади. Первым попереконью был Александр Козырев, он значительно опередил остальных плывцов.

Вот снова подул ивиной ветер, опять в лицо спортсменом стали бить волны. Яркая вспышка молнии осветила реку, раздался сильный удар грома. Река гудела гудела.

«Пока не размыкал сильный шторм, надо ещё подкрепиться», — подумал Козырев.

— Как себя чувствуете? — заболтовал спросил дежурный судья.

— Всё в порядке; дайте горячего чаю», — ответил плывец.

— Держите шланг; да смотрите, как бы вас не ударило о борги — прокричала врач Козыреву.

Подкрепившись горячим сладким чаем, плывец продолжал свой путь. Ветер зречал и к лодочнику снова стали слышны штормы. Поворот ветра совало с лодки фонари, и лодка уже не могла слудить ориентиром.

Козырев плыл один. В довершение ко всему хлынул дождь с градом...

Медленно тивенся ночь... Утомление стало овладевать плывцом. Козырев почувствовал озноб, колючко ко шло спи, плохо слушались руки.

Наступила известная всем плывцам на дальние дистанции «мертвая точка». В истории дальних плаваний было много случаев, когда спортсмены сходили с дистанции, не сумев преодолеть этого критического состояния.

Но не таков Александр Козырев. Он с юношеских лет любил спорт, занимался не только плаванием, но и легкой атлетикой, гимнастикой, городком и получал хорошую, разностороннюю физическую закладку.

Вот уже около 15 лет Козырев с неизменным успехом защищает спортивную честь Азербайджана на всех крупнейших соревнованиях по марфонскому плаванию.

Свой опыт Козырев передает любоджам. Плыв, в котором работает плывец, занял первое место по плаванию на заводской спартакиаде. А один из его учеников, Арсен Ахатханов, завоевал звание чемпиона общества «Водники».

И вот теперь в напряженной борьбе с усталостью Козырев дарит отчетливо вспомнил, как прожидал его из Баку товарищи по заводу, какие напутствия и советы давали они.

А что, если он не выдержит испытания, сойдет с дистанции? Какими глазами посмотрит он после этого на товарищей?

«Ничего, Саша, держись!» — говорил себе Козырев. — Осталось немного! Ты должен с честью вернуться в родной город!»

Наступил долгожданный рассвет. Посветлела вода, отчетливо стали видны берега. Легкий, прозрачный туман стался над рекой. Ветер стих. Ослепительно сверкала Волга под лучами восходящего солнца.

После утомительной ночи Александр Козырев впервые за весь проплыв спокойно позавтракал уже не через резиновый шланг, а из кружки, которую плывец взял с собой.

Когда до финиша оставалось 10 километров, снова подул порывистый ветер, а Волга, споконья несколько минут назад, снова ошенилась волнами. Но Козырев знал, что в Куйбышев, Москве, Баку — во всей стране советские люди ждут победы плывца. От этих милей вода стала как будто теплее. А вот уже видны и украшенная флагами волная станция, берег, усыпанный тысячами кубиковыми, пришедших встречать спортсменом.

Еще усилие, последнее усилие, и дистанция закончена!

27 часов 59 минут 43 секунды потребовалось заслуженному мастеру спорту Александру Козыреву, чтобы проплыть 150 километров.

Фото Н. Хреникова и В. Артюевича

Футболисты Мосновского механического завода часто встречаются со спортсменами других предприятий. На снимке: острый момент у ворот команды завода «Фрезер».

Я ДАБЬЮСЬ СЕБЕГО...

В этот день на одной из аллей Сокольнического парка культуры и отдыха было многолюдно и шумно. Раздавались звонкие голоса, смех, удары мячу. Это собралась молодежь рабочие Мосновского механического завода.

Сразу после работы большая группа юношей и девушек завода во главе с Тринором-общественником Анатолием Афониным приехала сюда провести назначенный по плану урок.

Хорошо после работы поразмяться на свежем воздухе! Среди молодежи завода немало опытных спортсменов, имеющих всевозможные разряды: техник Анна Корохорина, слесарь-механик Анатолий Афонин, инженер Алексей Плавский. Но есть и такие, которые попробуют свои силы впервые.

С каждым годом растет физкультурный коллектив завода. Еще совсем недавно на заводе были лишь футбольная да шахматно-шахечная секции. Но старшему спортивному работнику заводу в 1949 году. Вновь избранный совет физкультурного коллектива завода организовал легкостроительную, юноромовую, лыжную, гребную, волейбольную и другие секции, которые сразу приступили к регулярным занятиям. Все больше молодежи являлось в физкультурный коллектив завода.

Увеличилось число значимости, становилось больше разрядников: всё чаще спортсмены завода стали выходить победителями в соревнованиях на первенство района, города.

Особенно успешно развивается физкультурный коллектив до-

финс за последние два года. Футбольная команда завода в 1951 году завоевала первенство спортивного общества «Машинистры» и приз отпирять первенство сезона. Лыжники также завоевали первенство спортивного общества, выигрвали соревнования на призы отпирять и закрытия сезона.

От футболистов и лыжников не отставали и легкостроители. И они привезли назад приз райкома в 1952 году. Выиграла эстафету Буванского района, а в 1952 году заняла первое место в весеннем районном кроссе.

За отпиртую постановку спортивной работы коллективу завода было присвоено почетное звание «Лучший коллектив физкультурных профсоюз».

Над широкой аллеей парка чуть колыхнется туго натянутое красное полотнище с ярко вычерченными словами: «Старт — финиш». Десятки юношей вырываются на беговую дорожку. Неродный взмах флажков — и юноши ринутся вперед. Между деревьями замелькают темные и белые майки. Бегущие видны цепочкой, не отрываясь далеко друг от друга. Лишь на последнем повороте вперед выдвинулись четверо: Ороночевов, Щербан, Пантюхин и Максимилов.

И между ними развернулась упорная борьба. «Болельщики», столпившиеся у финиша, с нетерпением ожидают, кто же победит.

Первым коснулся лентычки Ороночевов.

Молодец, Витя, мы за тебя всей бригадой болели! — кричал

художественный парнишка, хлещ по аллеей своей бригады Абра.

Виктор Ороночевов — бригадир комсомольской бригады. Из дружной коллектива уже много месяцев посылает в спорт Доску почта. Первые в спорте победы и победы.

Два года назад Ороночевов впервые пришел на стадион Икато сразу после работы, пришел ему по сердцу. Шесть раз между работой и занятиями на стадионе отдал Политехническому институту Виктор Ороночевов свои деньги для дела спорта. Теперь он уже имеет третий разряд по легкой атлетике и лыжкам. Но Виктор не останавливается на этом. Ему хочется за лето добраться вторым до разряда.

После юношей на старт выдвигаются спортсмены девушек, и снова на дистанции раздается упорная борьба. Первая в финише подходит Инна Мехкина. Подруги наперебой поздравляют ее с победой. Имя смущенно улыбается.

Год назад Инна вот так же с то же успехом по работе не могла сдать нормы на звание ГТО. Невыполнив тогда были ее результаты. Но настойчивая девушка добилась своего. Сейчас она отпиртая лыжница-второразрядница.

Кросс окончен. Начинаются соревнования по другим видам легкой атлетики: бег на спринт, прыжки в высоту и длину, метание диска, нома, гранаты.

Чуть в стороне тренер-общественник Анатолий Афонин объясняет молодым рабочим технику прыжка. Внимательно слушают юноши опытного спортсмена.

Вышедший фронтоном слесарь-механик Анатолий Афонин — чемпион завода по лыжкам. Все свободное время он посещает спортплощадку: зимой — лыжами, летом — легкой атлетикой. С каждым годом Анатолий Афонин совершенствует свое спортивное мастерство, ведет плывцов большую плодотворную работу по укреплению физкультурного коллектива завода.

На футбольном поле стадиона расположилось небольшой группой девушек. Там тренируются в метании ножи и диска. И черт подходит невеселая светловолосая девушка, спортсменка первого разряда техник Галина Сергеева. Рынок — и ножи, она сват дугу, далеко от метания в желтый номер гол.

Вечерет. Солнце скрылось за деревьями. Постепенно начинает темнеть. Тренировка окончилась. Физкультурники быстро оделись и двинулись с песнями и выходу со стадиона.

— Шля сюда — сказал бойкий, подкованный паренек своему соседу — думал: судя, что больше не приставили, и не прыд бы.

— А тренер как не? — ты видишь, кто прыгал! Тренер говорит: «Если я буду регулярно тренироваться», через два года ты чемпион буди! И посмотришь, я добьюсь своего!

В. РОМАНОВ

Старт мужички на 100 метров. Эту дистанцию необходимо пробывать не более чем за 13 секунд.

Репродуцировано с рисунков В. Тамби

«Первые плоды российского флота»

В 1714 году Балтийский галерный флот разбил сильнейшую шведскую эскадру у мыса Гангут. 27 июля 1714 года авангард русского флота под командованием Петра Первого атаковал отряд контр-адмирала Эреншельера в составе 18-пушечного фрегата «Земфрант», шести галер и трёх шлюпок. Шведы оказывали упорное сопротивление и дважды отходили атакующих. Но русские офицеры, матросы и солдаты, воодушевленные личным примером Петра, в третий раз ринулись на врага и взяли шведские корабли на абордаж.

«Востину, — отмечал Пётр, — нельзя описать мужество российских войск, как начальных так и вторых...»

После трёхчасового ожесточенного боя шведские корабли один за другим начали спускать флаги. Сравнение закончилось полным поражением неприятеля. Все шведские корабли с оставшимися в живых матросами и офицерами во главе с речным адмиралом Эреншельдом были взяты в плен, Гангутская победа была охарактеризована Петром как «первые плоды российского флота», и не случайно в этот период славой обрели сражения с полтавской победой.

Гренгамская победа

Гренгамская победа — заключительное сравнение Северной войны 1700—1721 годов, главной целью которой было овладение выходом к берегам Балтийского моря, навсегда отнятым у России шведами.

...никогда не одна нация не мирилась с тем, чтобы ее морские победы в устах рек были от нее оторваны».

В середине июля 1720 года Пётр Первый послал Балтийскую эскадру под командованием М. Голицына в Атлантику, чтобы попытаться найти противника и уничтожить его. 27 июля, крейсировав между Атлантическими островами, Голицын обнаружил отряд шведских фрегатов вице-адмирала Шебеля. Успешно маневрируя, русские морские завелили противника в

узкий пролив и там его атаковали. Разгорелся ожесточенный бой. Русские настигли шведские корабли и брали их на абордаж. Только правый ветер своей ветер позволил части шведских кораблей спастись бегством.

Четыре вражеских фрегата — «Стор-Феникс», «Виннер», «Истинный» и «Данс-Эри» — были взяты в плен. Шведы потеряли убитыми 103 человека, пленными — 407 человек; потерь русских — 82 убитых и 203 раненых.

В память Гренгамской победы была вылита медаль с надписью: «Прилежание и храбрость превосходят силу».

Русские выиграли Северную войну занятием всей восточной и южной побережья Балтийского моря.

Летом 1712 года на Неве сошёл со стапелей первый многопушечный корабль «Полтава», принимавший участие в сражении при Гангуте.

Чесменский бой

В 1768 году Турция объявила войну России. Русский флот впервые в своей истории совершил огромный переход из Кронштадта по морю Европы к берегам Турции. С самого начала прибытия в Архипелаг русский флот присутствовал и активными наступательными операциями.

Утром 24 июня 1770 года русские корабли встретились с турецкими флотом, на котором находился адмирал Спиридов, сблизился с врагом на дистанцию пушечного выстрела и обрушил всю силу своего огня на корабли турок. Русские морские сражались с присущим им отвагой и героизмом.

Вскоре турецкий флагманский корабль «Рез-Мустафа» взорвался. Турки начали спешно обра-

ботать ивные канаты и в беспорядке уходили в Чесменскую бухту. В ночь на 26 июня снова разгорелся бой. Русскими снарядами был подожжен один турецкий корабль. Огонь переброялся на другие корабли. Под огнём русских спленили своих корабли от погони. Корабли их взорвались и погибли один за другим.

К 9 часам утра 26 июня турецкий флот был уничтожен. Всего турки потеряли 15 линейных кораблей, 6 фрегатов и около 30 военных судов. Только одному кораблю и 6 галерам удалось выйти на бухту и спастись от огня. Они были взяты в плен. Погибло более 10 тысяч турецких морских. Русский флот, не потеряв ни одного корабля, вышел полным победителем.

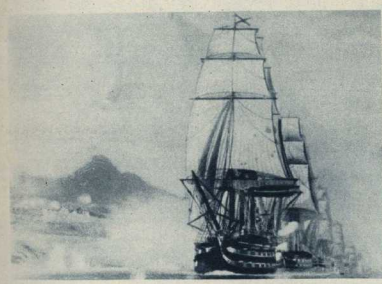
Гордый «Варяг»

Нававшись 8 февраля 1904 года на русско-японская война застала русский крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец» в японском порту Чемульпо. Командующий японской эскадрой предъявил требование оставить рейд.

При выходе с рейда русских ожидала сильная японская эскадра в составе броненосного крейсера 5 японских крейсеров, 8 миноносцев и 3 транспортов. Японский адмирал Урши сигналом предложил командиру «Варяга» напуганную 1-го ранга Рудневу сдаться, но, не получив ответа, открыл огонь. Одночасно раздались залпы с «Варяга» и «Корейца». Вскоре на японском

крейсере «Асама» была повреждена кормовая башня, разрушен мостик; один японский броненосец затонул, и крейсерам были нанесены повреждения.

Только за час боя «Варяг» выпустил 1105 снарядов. Но от губительного огня большинство его орудий вашило из строя, в нескольких местах был пробит корпус, на корабле шло много дымов, русские морские затопили «Варяг», а «Кореец» взорвался. Этот выдающийся подвиг русских моряков наш народ воспел в песнях.

Корабль командира русской эскадры «Павел» в бою у острова Корфу.

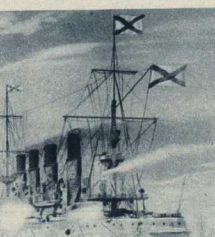
Взятие Корфу

В конце XVIII века, стремясь добиться мирового господства, Наполеон развёл войну, в которую были втянуты почти все государства Европы, и в том числе Россия. Особенно широким размах приобрела эта борьба в Средиземном море, где царили наполеоновские захватчики — Италия, Египет, Сирия и другие страны. В Италию была послана русская армия во главе с генерал-фельдмаршалом А. В. Суворовым. Для боевых действий в Средиземном море из двустороннего направления черноморская эскадра под командованием адмирала Ушакова.

Блокировав Корфу, Ушаков начал осаду крепости, которая считалась неприступной. Средствами флота на берег были возведены осадные батареи и начата подготовка к решительному штурму. 10 февраля 1799 года по тщательно разработанному Ушаковым плану флот совместно с десантом морских овладел ключом к крепости Корфу — сильно укрепленным островом Вико. Быстрота и искусство выполнения этой операции настолько ошеломили французское командование, что оно признало дальнейшее сопротивление бессмысленным. 20 февраля крепость вооружённая 650 орудиями, сдаётся Ушакову.

Зачехленные байстрюками от французов, несколько Ионических островов и начата блокада самого большого из них, мощной крепости и морской базы с сильным гарнизоном, острова Корфу.

Гениальный русский полководец Суворов, узнав о победе русского флота, воскликнул: «Ура! русскому флоту!». Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу, хотя и мнимом!»

Крейсер «Варяг».

О МОРЕ И РУССКОМ ФЛОТЕ

Чинить исполнение со всякой осторожной осмотрительностью и с добрым порядком; по оказавшимся случаям и обстоятельствам поступать с храбростью...
Ф. Ф. Ушаков

Ура! Русскому флоту! Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу, чтоб михманом!
А. В. Суворов

Без духа ни пища, ни чистота, ни опрятство не делают человека зрелым. Ему надобно дух, дух, и дух.
Д. Н. Семякин

Морское дело наше требует постоянных занятий в оном... Морской офицер, не зная дела своего во всех подробностях, никогда не добьется.
М. П. Лазарев

Необходимо поощрение соучастием; нужна любовь к своему делу-с, тогда с нашим духом народом можно такие дела делать, что просто чудо.
П. С. Нахимов

Матросы! Мне и говорить вам о ваших подвигах на защиту родного вам Севастополя и флота? Я с юных лет был постоянным свидетелем ваших трудов и готовности умереть по первому приказанию; мы сдружились давно; я торжесю вами с детства.
П. С. Нахимов

Битва славная (Симон—Ред.), выше Чесмы и Панарина! Ура, Николай! Михаил Петрович Лазарев радуется своему ученику!
В. А. Корнилов

Каждый морской офицер должен быть лучшим матросом и лучшим боцманом своего судна, чтоб

иметь нравственное право пребывать от подчиненных своим примером всего того, что им придется исполнять. Подобным образом будущим управителям судовыми машинками необходимо быть лучшими машинистами и лучшими чекочарами своего судна.
Г. И. Бутаков

В море—значит дома.
С. О. Макаров

Я вижу умными очами: Колаум Российский между льдами Спешит и презирает рок.
М. В. Ломоносов

Русский матрос—золото... Он слез, самоотвержен, вымыслил и за малейшую любовь отплачивает торжцей.
К. М. Станюкович

Смотрю, смотрю— и всегда одинаков, любящим, блужок мне океан.
В. В. Маяковский

Ни торпеда, ни бомба, ни штыри, ни пурга Не страшны для советского флота.
А. А. Сурков

Сухим мы держим порох, Наш взлетел остер и зорок, И маяк в морских просторах Не страшен враг любви.
В. И. Лебедев-Кумач

СМЕНА В номере:

- Николай Флёрв—Матросская лента, Стихи.
Кондр-адмирал Н. Питерский—Шеф флота. Передача.
В. Чагин—Посни о трех земляках. Рассказ.
Георгий Гайдовский—Минер с натуры «СК-005».
А. Покровский—Юность моряка.
В. Тертычный—Адмирал Нахимов.
Юрия Трифонова—В поезде.
В. Викторова—Наследники.
В. Виденный—Перед осадой. Отрывок из повести.
Л. Рогачевский. В. Успенский—Молодые моряки.
В. Н. Яковлев—Василий Дмитриевич Поповцов.
Г. Гриваченко—Подвиг героев бесстрашии.
Юрий Коновалов—Конек «летящий рыбак». Рассказ.
И. Файзуллин—Своя штыри.
В. Романов—Я добысь своего...
Из истории русского флота.

На первой странице обложки Советский моряк. Фото Я. Халина.

На четвертой странице обложки: Утро на море. Фотограф Н. Драчичского.

Оформление номера В. Урина.

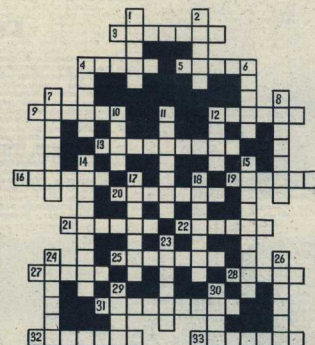

КРОССВОРД

Составил С. Сыроматников

- По горизонтали:**
3. Военный корабль.
4. Небольшое судно.
5. Человек, являющийся специально подготовленным и работающий в морском флоте.
9. Отряд, высаженный с корабля на неприступную территорию.
12. Прибор для определения стран света.
13. Воспитание— специального военно-морского училища.
16. Команда корабля.
19. Горизонтальное перекрытие на судне.
20. Все снасти на судне.
21. Холостое оружие у морских офицеров.
22. Часть рейда, предназначенная для стонкин судов.
25. Герой обороны Севастополя 1854—1855 годов.
27. Работа на судне, в которой участвует вся команда.
28. Внезапный сильный порыв ветра.
31. Представитель личного состава одного из специальных подразделений флота.
32. Один из первооткрывателей Антарктиды.
33. Соединение кораблей.

- По вертикали:**
1. Свободная снасть небольшого дельца.
2. Основное положение радиолокационной техники.
4. Трос ушпнной вышше 330 мм.
6. Задняя часть судна.
7. Выдающийся русский флотоводец.
8. Крутые деревянные части стальной трубочки части снасти судна.
10. Лестница на судне.
11. Корабль, предназначенный для торпедного удара.
12. Наименее вероятна на бое.
14. Прибор, регистрирующий вибрацию небольшого размера для действий у побережья, в реках.
17. Командир судна.
18. Знаменитый адмирал русского флота, по проекту которого построены первый в мире ледокол.
23. Корабль с мощным артиллерийским вооружением.
24. Знаменитый крейсер Балтийского флота.
28. Судно, предназначенное для перевозки грузов.
29. Вольное судно.
30. Поперечная балка, поддерживающая палубу.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

- По горизонтали:**
4. Подводный. 7. Лодка. 9. Коток. 9. Гуд. 14. Думба. 15. Саксонин. 18. Теннис. 19. Граната. 20. Мешок. 23. Антарктида. 24.

- Регата. 27. Боец. 29. Физкультурник. 32. Снеф. 3. Рынок. 6. Борьба. 6. Толчок. 10. Чувства. 11. Озеро. 12. Шахтер. 13. Победа. 16. Чемпион.

- По вертикали:**
1. Гонимая. 2. Футбол. 3. Рынок. 6. Борьба. 6. Толчок. 10. Чувства. 11. Озеро. 12. Шахтер. 13. Победа. 16. Чемпион.

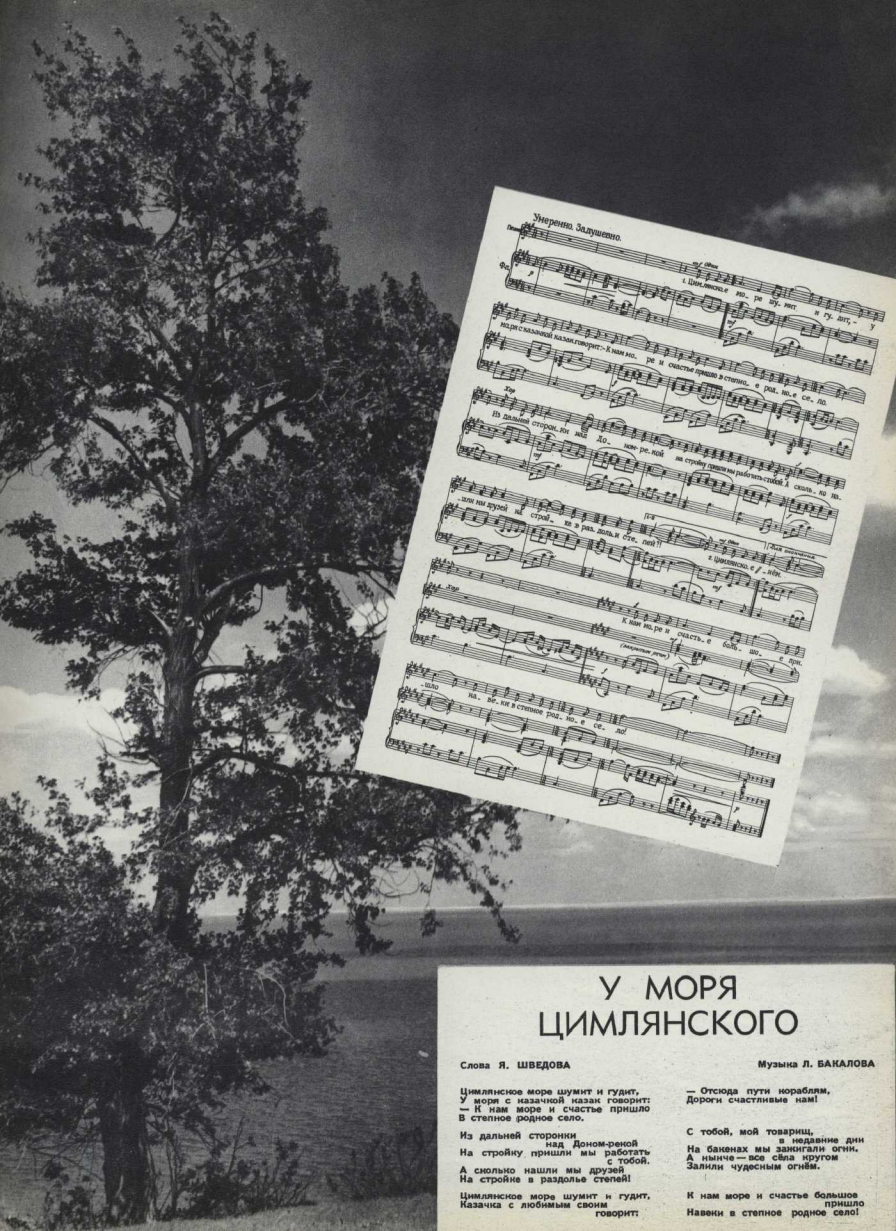
17. Водяни. 21. Финиш. 22. Ванин. 25. Елисейев. 26. Стадлон. 28. Старт. 30. Коль. 31. Ринг. 32. Сетка. 33. Стартёр. 34. Коток. 38. Нтрон. 39. Брасс.

Ответственный редактор—А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тираж 120 000 экз.

Тел. Д-3-34-24. Изд. № 571.

А 03128. Подписано к печати 8/VI 1952 г. Замка № 1634. Формат бумаги 70x108/16, 1,37 бум. л.—4,80 печ. л.

Умеренно задумчиво

Цимлянское море шумит и гудит,
У моря с казачьей казаки говорит: — И нам море и счастье пришло
В степное родное село.

Из дальней сторонки над Доном-реной
На стройну пришли мы работать с тобой.
А сильно нашли мы друзей
На стройне в раздолье степей!

Цимлянское море шумит и гудит,
Казачка с любимым своим говорит:

— Отсюда пути мороблям,
Дороги счастливые нам!

С тобой, мой товарищ, в недальние дни
На баках мы закинули огни.
А ничня — все слава кругом
Залили чудесным огнем.

И нам море и счастье большое пришло
Навени в степное родное село!

У МОРЯ ЦИМЛЯНСКОГО

Слова Я. ШВЕДОВА

Музыка Л. БАКАЛОВА

Цимлянское море шумит и гудит,
У моря с казачьей казаки говорит:
— И нам море и счастье пришло
В степное родное село.

Из дальней сторонки над Доном-реной
На стройну пришли мы работать
с тобой.
А сильно нашли мы друзей
На стройне в раздолье степей!

Цимлянское море шумит и гудит,
Казачка с любимым своим
говорит:

— Отсюда пути мороблям,
Дороги счастливые нам!

С тобой, мой товарищ,
в недальние дни
На баках мы закинули огни.
А ничня — все слава кругом
Залили чудесным огнем.

И нам море и счастье большое
пришло
Навени в степное родное село!

